

КРОКОДИЛ

— Не пугайся, деточка. Это же твой папа пришел пожелать тебе спокойной ночи.

Рисунок
Г. АНДРИАНОВА

«Прошу вас спросить ответственных лиц, почему пассажиры, имея в руках билет, должны плакать...»
А. Гаспарян, г. Минеральные Воды.

ЛЕТАЙТЕ САМОЛЕТАМИ АЭРОФЛОТА!

Причины плача, о котором сообщает читатель, таковы:

20 октября товарищ Гаспарян усаживал жену с шестилетней дочкой в поезд № 27 Кисловодск — Москва. При жене имелся билет № 500326 на место 37 в 20-м вагоне, проданный в Минеральных Водах.

Взгляните на карту железных дорог СССР. Между Кисловодском и Минеральными Водами существует станция Ессентуки. Ее расторопные работники на то же место выдали свой билет, уже за номером 702523. Естественно, женщина с ребенком нашла свою полку уже занятой. Таким образом, в наше повествование вкралась неточность: при всем желании не мог А. Г. Гаспарян усадить семью в поезд. Если так можно выразиться, он «поставил» ее в тамбур вагона. Там, в тамбуре, и плакали отъезжающие, а проводница, пожелавшая остаться неизвестной, с каменным лицом подала сигнал готовности к отправлению состава.

Скажем честно: мытарства семьи Гаспарян заслуживают внимания, и все же мелкие проделки ессентукских кассиров бледнеют на фоне акции, свершенной столичным железнодорожным узлом.

А было вот как: в Москве гастролировали три латвийских хоровых коллектива под управлением народного артиста республики профессора Иманта Кокарса. Отпевшись в столице, хоры должны были вернуться в Ригу, для чего Латвийская филармония заблаговременно приобрела 230 билетов на фирменный поезд «Юрмала», отбывающий из столицы 9 октября. Все 230 билетов оказались дубликатами... Так и ехали пассажиры — по двое на место.

Чем объяснить подобные железнодорожные шалости? Думается, корень зла надо искать в автоматике. Известно, что основная работа по распределению билетов ныне возложена на ЭВМ. Могло случиться, что компьютеру чем-то не понравились эти хоровые коллективы: допустим, он не уважал серьезную музыку. Не мотет Вотнянского и вагнеровский «Тангейзер» импонировали ему, а примитивный «Чижик-пыжик» или широко известная песня «Шумел камыш, деревья гнулись, а ночка темная была. Одна возлюбленная пара всю ночь гуляла до утра».

Вот так, отщелкивая вторые экземпляры билетов, предназначенные хоровым коллективам, компьютер мстительно восстанавливал в электронной памяти строки великого баснописца:

— Ты все пела? Это дело:
Так поди же, попляши.

Чем пронять шкодничающую машину? Выговором? Недосмазкой трущихся элементов? Отключением на 15 суток? А если она разобидится и в дальнейшем вместо плацкартных билетов на скорый поезд «Рица» начнет выдавать билеты на спектакль театра имени Маяковского «Да здравствует королева, виват!»? Или еще чего похлестче выкинет?

Компьютерная душа — потемки.

В железный век технического прогресса бурно сокращается число стрелочников, на которых можно бы свалить вину. И единственное, что мы можем сделать,— это выразить глубокое сочувствие Министерству путей сообщения СССР. А вниманию многострадальных пассажиров предложить призыв, вынесенный нами в заголовок.

Фельетонист

— Такси!

Рисунок Ю. УЗБЯКОВА

МИМОХОДОМ

Не было ни гроша, да вдруг 6 из 49.

Аноним и кричал не своим голосом.

Иные наживают трудовые мозоли аплодисментами.

С. МАРКОВ.

Страдал, что не может отгородиться забором от звезд: по ночам они нахально заглядывали на его участок.

Иные загородные участки очень бедны: флора — Гладиолус Продажный, фауна — Злая Собака.

М. СЕМЕНОВ.

— Не темни, дед! От кого цветы?

Рисунок А. СКОТАРЕНКО

КАК ЭТО НЕ ДЕЛАЕТСЯ...

Кондрат УБИЛАВА, специальный корреспондент Крокодила

ГОЛУБАЯ МЕЧТА

Была у меня голубая мечта. Захотелось приобрести полуботинки по последней моде. Что-нибудь золотистого цвета, на тонкой подошве, каблук желательно прямой. Я такие на картинке видел.

Будучи в Краснодаре, вспомнил: здесь вроде сапожники неплохие. Сунулся в магазины — нет «голубой мечты». Иду в производственное объединение «Краснодаробувьсбыт». Прямо к главному инженеру тов. Улееву. Так, мол, и так.

— Поглядите на мои ноги,— говорит мне товарищ Улеев.

— Да,— говорю,— обувь довольно поношенная. Вид неважнецкий.

— А между прочим ей всего десять дней от роду. Я не играл в футбол, не переходил вброд горные реки, не лазил по скалам. Не поливал растворителями. Я всего лишь аккуратно ходил. Но эти полуботинки сшиты из сырья, которое поставляет нам Краснодарский кожзавод...

И Улеев, мелькая неприличной обувью, привел меня к кожаным горам— на склад своего объединения. 90 тысяч квадратных дециметров. Брак!

— А зачем же вы брак берете!

— Мы кожу проверяем исключительно ор-га-но-леп-ти-чески! То есть смотрим, щупаем, ковыряем ногтем, можем даже лизнуть. Лаборатории в объединении нету! Кроме того, «осыпание красителя, отдушистость» и иные каверзы скрытые. Вылезают на свет божий позднее, часто уже на ногах. А база ни за что не отвечает, у нее голова не болит... Не зря еще в прошлом апреле начальник Главснабсбыта при Совете Министров РСФСР К. А. Боловинов сетовал в приказе: прямые бесхозяйственные связи поставок продукции налаживаются плохо. И кожевенно-обувной.

ОБУВЩИКИ (горячо). Нам лучше получать кожу прямо с завода!

НАЧАЛЬНИК КРАЙСНАБСБЫТА Ф. К. КОВАЛЕНКО (упрямо). Нет и нет. *Сначала* — на базу, а уж потом — к вам.

БАЗА (стесняясь). Да мы в тонкостях товара не шибко разбираемся...

ОБУВЩИКИ (огорченно). Они любой товар любым сортом принять с завода могут!

БАЗА (равнодушно). Что нам дали, то и вам даем...

— Ну ладно,— сказал товарищ Улеев, заметив мой понурый вид,— ну отыщется кусочек приличного товару вам на ноги. А гвоздик? Где вы видели сапожника без гвоздика?

— И гвоздик тоже проблема?

— Разве спички в ботинок вколотишь? Телеграфные барышни уже давно наизусть отбивают: «Агдам, Азербайджанской... Метизно - фурнитурный завод... Срочно грузите гвозди! Объединение простаивает!»

— И давно телеграммы шлете?

— Не только телеграммы. Шлем грузовики с толкачами, вымаливаем жалкие крохи.

— В 1977 году просили начальника крайуправления снабсбыта тов. Коваленко: смените нам поставщика, — вздохнул генеральный директор «Краснодаробувьсбыт» Г. М. Кинский.— Но и в этом году ждем из того же Агдама десятки тонн гвоздей и другой фурнитуры, но пока не дождались ни гвоздика...

А тем не менее обувь в Краснодаре все же шьют. Цех пошива картонажной фабрики минместпрома... А еще? Фабрика меховых изделий... А еще? Хоровое общество... Не может быть!

г. КРАСНОДАР.

Рисунок В. МОХОВА

МОЙ ТЕЛЕТАЙП

«БАНДА ЧЕТЫРЕХ»—БЯКА

«БАНДА ЧЕТЫРЕХ» СОВЕРШИЛА МАССУ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПЕРЕД КИТАЙСКИМИ ДЕТЬМИ».

(ИЗ КИТАЙСКИХ ГАЗЕТ)

13 октября 1978 года по пекинскому радио была передана статья, подготовленная работниками детского сада, расположенного на улице Наньцзин города Шанхая. Статья называлась «Окончательно рассчитаемся с преступлениями Линь Бяо и «шайки четырех», которые пытались свести на нет воспитательную работу в детских садах».

— Во время бесчинств Линь Бяо и «шайки четырех»,—мрачным голосом читал диктор,—нашему детскому саду запрещали разучивать песни, соответствующие специфике детей дошкольного возраста, преднамеренно заставляли маленьких петь «бей, бей, бей, коли, коли» и тому подобное. «Шайка четырех» даже заставляла детей громко распевать арии из «Образцовых опер» бандитки Цзян Цин. На уроках рисования проводилась так называемая критика каппутистов[1], все рисунки пестрели «железными вениками» и «железными кулаками». Нравственное воспитание детей было полностью подчинено коварным планам «банды четырех» по узурпации власти в партии и государстве...

«Шайка четырех», неся чушь, заявляла, что детские игры есть «товар ревизионизма», и всячески их критиковала. Такие игры, носящие характер подражания, как «делай, как я», были названы «воспитанием раболепия», национальная игра «орел нападает на цыплят» была названа «игрой, не имеющей характера сопротивления», а игра «найди друга» была названа «проповедью теории затухания классовой борьбы». Все эти игры были запрещены...

Времена «шайки четырех» давно позади. Ее представители, как говорится, сейчас не у дел. А китайские дети! Полегчало ли им от этого! В какие игры они теперь играют!

Действительно, изменения произошли. И весьма значительные. Прежде малышей заставляли гневно топтать портреты Лю Шао-Ци, Линь Бяо и Конфуция, теперь же, как мы видим на фото из журнала «Тайм», они попирают изображения «четверки». Кроме того, в духовную пищу малышей стали в еще больших дозах подсыпать антисоветского яда.

— Посмотрите на этого злого и жестокого дядю,— говорит малышам воспитательница и при этом тычет пальцем в обложку цветной книжки-картинки, где намалеван советский солдат.— Этот дядя хочет всех нас убить.

А потом воспитательница ведет детей старшей группы во двор, дает каждому в руку деревянную винтовку с деревянным штыком. И вот тут начинается...

По ее команде мальчишки бегут к мишеням и колят их деревянными штыками.

— Это советские ревизионисты! — надсаживается воспитательница.— Не жалейте их!

Одни бяки ушли, другие пришли...

Дежурный телетайпист
Г. ЛИННИК.

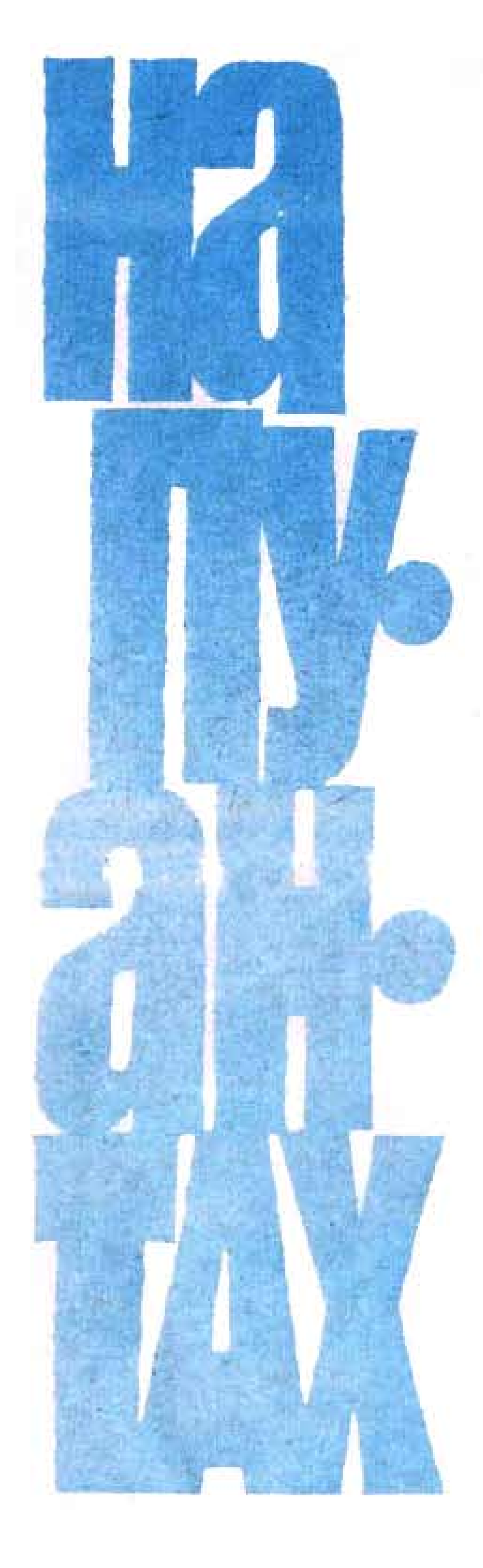

[1] То есть идущих по капиталистическому пути

РЕЧЬ ЗДЕСЬ ПОЙДЕТ О ТОМ, ЧТО ОБЯЗАТЕЛЬНО НАДО ОТДАВАТЬ ДЕТЕЙ В БАЛЕТНЫЕ ШКОЛЫ. ДЕТИ ВЫРАСТУТ, ВОЗМОЖНО, СТАНУТ СНАБЖЕНЦАМИ, ПОЛУЧАТЕЛЯМИ НОВОЙ ТЕХНИКИ — И БАЛЕТНЫЙ НАВЫК ИМ ПОЗАРЕЗ БУДЕТ НУЖЕН.

А. МОРАЛЕВИЧ,
специальный корреспондент Крокодила

Выдвинься в далекий тот год какой-либо призыв (ну, как бывало «Комсомолец, на самолет!», «Комсомолец, на трактор!») — и совсем о другом человеке писали бы мы. Но не оказалось призыва в далекий тот год, отчего самочинно стал Михайло Гошкив автокрановщиком и за долгие годы работ много кранов заездил вдрызг. Однако же все дольше служили краны доскональному знатоку, и лишь на девятом году со дня выпуска под Михайлой Гошкивом отдал богу душу последний его автокран Балашихинского завода.

Знатно описано в стихотворной форме прощание с бывшим конем князя Олега. Особенно в той части, где из черепа коня «гробовая змея, шипя, между тем выползала». Такой щемящей картины нам, понятно, не дать, но все же происходило в горле спазматическое явление от того, с каким видом обошел Гошкив верного друга, подержал на остывающем радиаторе руку, и из ресивера отжившей свой век машины воздушная струя, шипя, между тем довыползала.

Здесь подошедшее руководство управления № 5, вообще очень довольное тружеником, сказало:

— Не журись, Михайло Пилипович! И поскольку вообще настало время тебя стимульнуть, у нас есть для тебя сюрприз и событие в жизни. Подступают сроки получения нами автокрана на заводе в Дрогобыче, и ты будешь им володеть.

И вот тут (обо всем уже вроде писали, а об этом забылось!) возникает один кричащий аспект: как любее всего получать эксплуатационнику технику?

Как любее всего, сформулировал начальству наторевший в жизни человек Михайло Пилипович.

— Машина,— сказал он,— не есть только голый план и сверхпланность. Машина есть также орган самовыражения рабочей души, источник доброго настроения, многолетняя кормилица отдельно взятой семьи. Оттого машину получать надо с толком, апробацию ей дотошно сделать на месте. А то получишь кран железной дорогой — и заводской дефект в нем может открыться, а от больших размеров страны — воровство узлов и агрегатов с платформы.

— Зрело ты рассуждаешь, Михайло Пилипович,— сказали крановщику.— И как раз пришел телеграфный вызов с Дрогобычского завода. Езжай, получи из рук в руки кормильца, пригони своим ходом.

Так прибыл тов. Гошкив к заводу автокранов в Дрогобыче и сразу, как водится, заволновался. Ибо увидел он нечто вроде кордебалета Большого театра, только в мужском преломлении: дядьков эдак сорок — и все стоят на мысочках в линию, чтобы зрение находилось поверх заводского забора.

Ну, мигом обнюхался тов. Гошкив с этой балерунской толпой. И все родственный оказался народ, получатели кранов из всех уголков страны. Все с напарниками, чтобы день и ночь гнать к месту работ позарезно нужную технику. И ни одного вульгарного перегонщика здесь — только асы, крановщики, кто многие годы будет сидеть на полученном кране.

Здесь один ас для контроля очереди изгрязнил ладонь тов. Гошкиву фиолетового цвета чернилами.

— А что же, братцы,— сказал наш Гошкив,— интересуюсь узнать: справедлива ли наша живая очередь?

— В этом будь без сомнения,— сказали Гошкиву вдользаборники.— Тут двойной происходит контроль. Заводская дама Люба контролирует с одной стороны, а мы всей получательской массой — с другой. Не поверишь — пропасть времени метался туда-сюда получатель из южной республики, торба сухофруктов при нем, бидон барбарисовой чачи. Грех ты неzамолимый, говорим мы ему, не пытайся ты обскакать честных людей, мы очередь отчаянно живая, мы тебе выбьем дробь! Так он за двенадцать аж ден не нашел, кому в заводе презенты вручить, так и канул бесплодно с бидоном.

— Да,— сказал с приязнью Михайло Пилипович,— лучшает жизнь, очестняется. А как у нас, братцы, с ожидательским бытом?

— Что же,— справились вдользаборники,— ты читать не обучен? Вон в рамке повесил завод, позаботился:

«ПОЛУЧАТЕЛЯМ КРАНОВ. СТОЛОВАЯ И ТУАЛЕТ НА ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОМ ВОКЗАЛЕ.
АДМИНИСТРАЦИЯ».

— А голову приклонить? — спросил Гошкив.— Спать?

— Ежели ты мужчина-порох, так ступай в здешний горком. Здесь горком задушевный, горком голос возвысит — так завод на все дни ожидания койку в общежитии даст.

...Товарищ Гошкив, взбив в головах паклю и ветошь, угнездился на ночь в катакомбах неизвестной котельной. Ревело и металось в топках мазутное пламя. Навевая думы о беспризорности и разрухе, торчали в багровый круг света еще шесть пар ног с проношенными мысочками. Страшный, нервно разглядывая на ладони полученную за постой, но бесплодную в эти ночные часы мелочь, из угла в угол ходил истопник.

«Терпи, казак,— внушал себе Михайло Пилипович.— Гарно, что не смалодушничал, не пошел ты в горком. Горком-то поможет, а завод-то припомнит: а кто в напряженный момент оттягал у нас общежитейскую койку? Гошкив! Кто всяческую жалобу сеял в горкоме? Гошкив! Так выдать ему задрипозный наиболее кран, благо двести заводов, комплектующие деталями наш завод, позволяют нам наказывать кого следует наизадрипозными кранами!»

Нет, остерегался злить, накалять изготовителей Михайло Пилипович, терпеливо испивал он чашу своего получательства.

И здесь вышла коммерциальный сотрудник, дама Люба с завода, выкрикнула:

— Андреев Григорий Павлович!

Стало быть, долго ли, коротко ли, а пришел черед соседу по висению над забором, одесситу, крановщику издательства «Черноморской коммуны» получить свой КС № 2561 Е.

В одночасье разъехались створки ворот, заводской перегонщик почти что в ладошках, чтобы не расплескать, вывел кран за ворота, сделал ручкой — и юркнул в завод.

— Ну-те-с! — хищно сказал одессит, уже как бы возвысившийся над сообществом горемык, уже отколовшийся от них.— Геть, годи, годи!— И, шугнув тех, кто ладился хотя бы поосязать кран, врубил скорость, покатил вдоль забора. Страшный хряск и удар немедля сопроводили качение.

— Стабилизатор башни! — заключили, обступив машину, сидельцы.— Вот спросить бы заводского, кто это сваривал, он до этого, кроме макарон, что-нибудь сваривал?

— Позвольте, позвольте,— сказал, протискиваясь, Михайло Пилипович, до того получавший краны в терпимой Балашихе, под Москвой,— эт-то что же такое?

А вот что увидел он: пробка бака на машине отвернута, трубопроводы разобщены, и, минуя фильтр, идет к мотору клистирный резиновый шланжик.

— А это, дядя,— сказали Михайле Пилиповичу бывалые страстотерпцы,— на заводе система такая. Мы им в завод отдаем талоны на двадцать литров бензина к каждой машине, а они в баки наливают по семь. Наверное, встал кто-нибудь на трудовую вахту в честь экономии горючего.

— А электрическая оснастка? — закричал Михайло Пилипович.

— А ничего,— сказали бывалые дрогобычские подзаборники.— Ничего, что она не стоит на машине, а выдается в мешочке. Кран полученный откатывай за угол, два дня над ним пошаманишь, наденешь электрику, все болты сочленений подтянешь — и кати себе в путь-дорогу.

— Значит,— сказал Михайло Пилипович,— шасси сперва оснащают на ЗИЛе, потом разоснащают в Дрогобыче, потом получателю всучивают мешок, и он оснащает все снова?

— Зато в заводе выбита почва у воров из-под ног. Повороtки с подфарниками ворам не украсть.

— Тогда,— закричал запальчиво Михайло Пилипович,— довыбивая почву у воров из-под ног, мы скоро дойдем до того, что нам весь кран почнут выдавать полуфабрикатом в мешках. Сделай сам!

— Может, что и дойдем,— ответили здравомыслы.

Так еще через три дня дремучей безвестности и стояния на семи ветрах получил свой кран Михайло Пилипович.

Но, обостренно помудревший, отогнал Гошкив свой кран за угол заводского забора, в гуляй-поле, где становятся табором перед дальней дорогой все получатели, дал крану беглый осмотр. И от беглого осмотра прокисилось, ухнуло на низ настроение у Михайлы Пилиповича. В точечной сварке, увидел он, проработан худо и соблюден худо шаг. И масло свински недозалито в важнейшие жизненные узлы. И когда открыл капот крановщик, диковидный к этому времени и обросший как пугачевец, то охнул и похилился от потрясения: ну, бог с ним, что выдали ему расхлябанную машину без паспорта, черт с ним, что покрадено с машины кой-что, но вот же страх: сердце машины отсутствует под капотом — ее генератор!

Здесь, как бы даже котовьи мурлыкая, стали отираться вокруг получателя неизвестные личности.

— Генератор,— шкворчали они,— это нам как два пальца обсморкать. Клади на лапу двадцать пять карбованцев — будет тебе генератор.

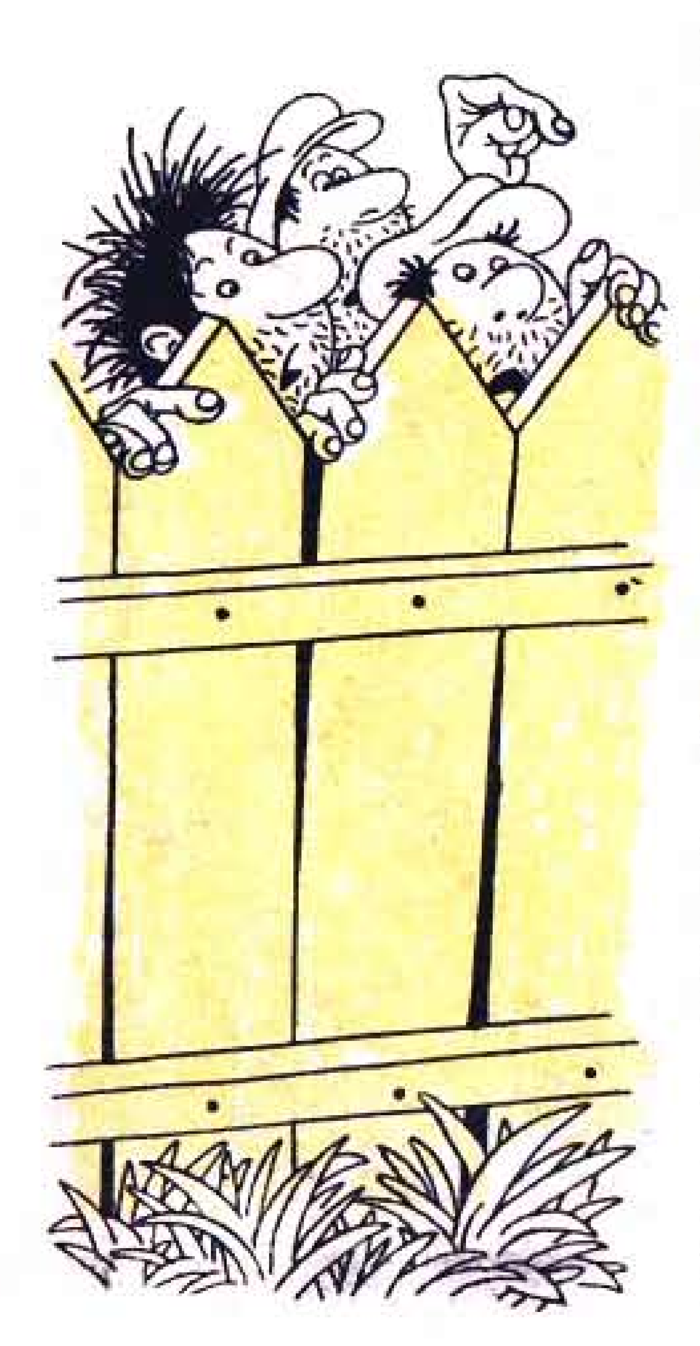
Но не пошел на темный этот контакт Михайло Пилипович. Еще два дня обивал он пороги завода, с ускользающей администрацией пытался вступить в контакт, спал в кабине, грыз гастритную сухомятину. И сподобился он генератора (снял завод генератор с крана, отправляемого кому-то по железной дороге. Вот здесь и видна вам польза получения из рук в руки!). И еще через день христарадничества у дороги, вконец распотрошенный финансово: «Браток! Литр трансмиссионного масла! Болтик крепежный М 6! Солидольчика жменю!» — мало-мальски привел Гошкив в порядок кран, отбыл каторгу получения, порулил в Краснодар.

И покуда он катит, раздвинем рамки темы за пределы Дрогобыча.

Наш получатель, товарищи, всесоюзен и миллионен. Не что иное, а именно добросовестный подход к делу подвиг его в получатели.

Так когда же, спросим мы, всесоюзный изготовитель добро взглянет на всесоюзного получателя, обустроит его ожидания, чтобы над забором неделями не маячили получательские униженные лица, чтобы после получения еще месяца три не ныли у человека мысочки?

Краснодарский край — Львовская область.

ТРЕСТ

— Засиделись, работнички! Пора и по домам!

Рисунок Е. ШАБЕЛЬНИКА

Казалось, только вчера группа энтузиастов сотрудников редакции сатиры и юмора Всесоюзного радио[1] — задумала и разработала новую передачу «С добрым утром!», и вот уже тысячный выпуск позади. Тысяча еженедельных передач — это вам не шутка! Хотя, впрочем, именно шутка. Шутка наряду с бодрой песней[2], веселым рассказом[3], интервью с дебютантом или маститым артистом[4], с зарубежными гостями[5] всегда отличали эту полюбившуюся миллионам радиослушателей передачу.

Поздравляя своих коллег с тысячным выходом в эфир, мы желаем им привлечь оставшуюся половину состава членов Союза композиторов, охватить неохваченную часть писателей-юмористов, а также много веселья в передачах «Доброго утра!».

[1] В. Козлов, Я. Полищук, Н. Ростовцева, А. Столбов.
[2] См. половину состава Союза композиторов.
[3] См. пять шестых писателей-юмористов страны.
[4] См. список театров.
[5] См. афиши гастролей.

Мих. РАСКАТОВ

ТРАКТАТ О КОРЕ

У каждого имеется кора.
Нет, нет, совсем не с дерева кора,
Которую готовят для костра,
Которую строгает детвора...
У каждого имеется кора,
Что трудится с утра и до утра,
Что может быть сварлива и добра,
А может — молода или стара...
У каждого имеется кора,
Что может быть бурлива, как Кура,
А может быть тосклива, как нора,
А может быть пустая, как дыра...
Кора, что нам показывает сны,
Кора, что рада запахам весны,
Кора, что может множить, и спрягать,
И тайны мирозданья постигать,
Что выдает идеи на-гора́,
И каждая — прекрасна и нова!..
Умеет все могучая кора,
Когда она, само собой, трезва.

Назидание Яков БЕЛИНСКИЙ

Искусство жить

Искусством жизни
овладей,
Читая между дел
«Жизнь замечательных
людей»,
короче — «ЖЗЛ».
Жизнь катит бочку
на тебя:
полундра!.. Не дрожи.
Как поступали д о
т е б я
мудрые мужи!
Плутарха перечти
опять.
Платон поможет нам...
Но не забудь, что
принимать
решенье должен сам.

Мкртич КОРЮН *Переводика*

Лишние обеды

— Слышу я шумы,
одышку.—
Врач задумчиво
изрек.—
К сожаленью, пьете
лишку,
А вино — большой порок.
— Вред вина
Мне, доктор, ведом.
Только вы сказали
мне,
Что стакан перед
обедом
Разрешается вполне...
— Это так.
Стаканчик пенный
Допустим порой
в меню.
Но обедают,
почтенный,
Не по десять раз
на дню.

Перевод с армянского
Бориса ГАЙКОВИЧА.

Мое прочтение! Алексей ПЬЯНОВ

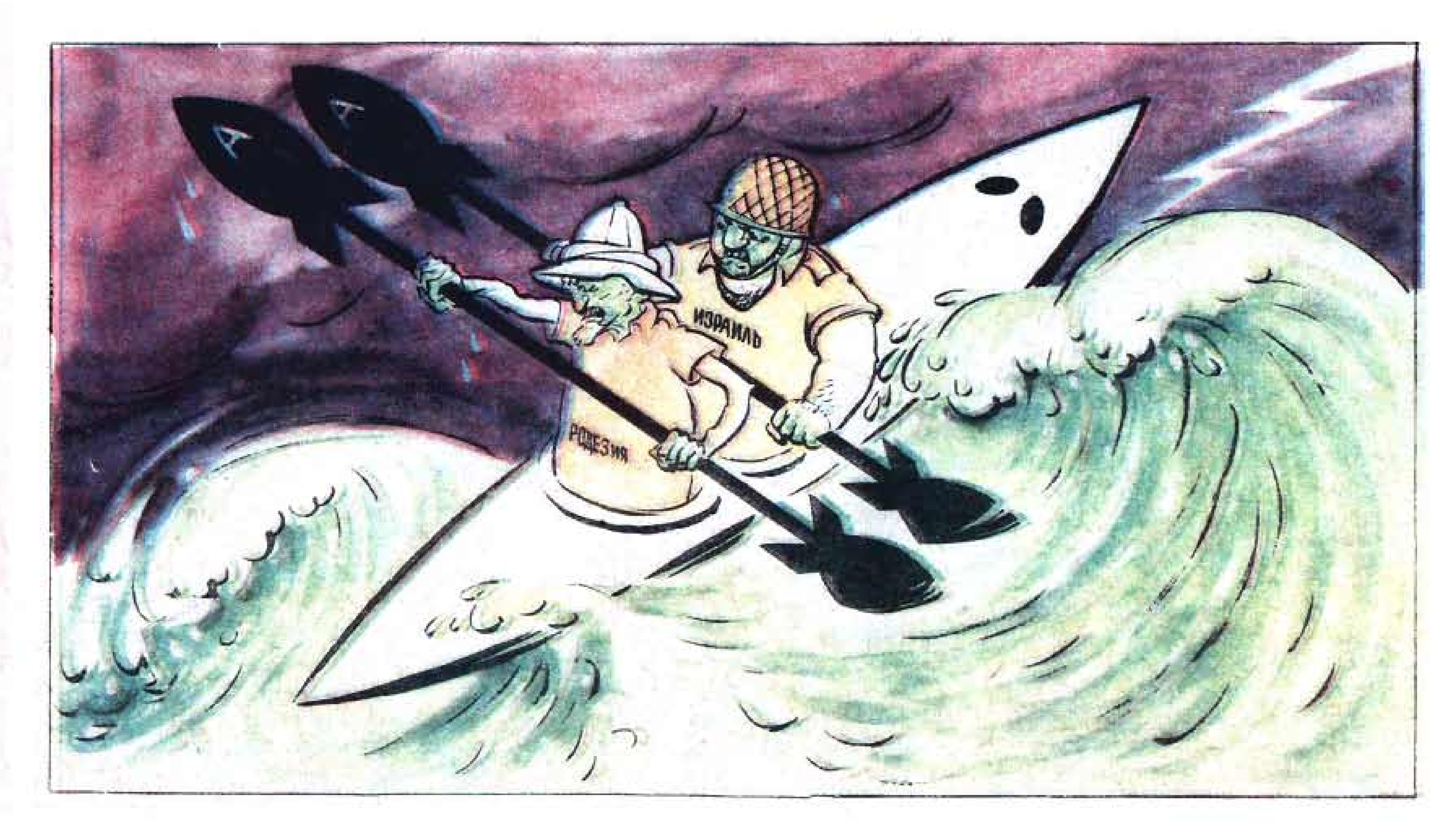
А если изменилась?

Все то же. Русь... Иные времена.
И заново отстроено селенье,
Где от хворобы — водка на кореньях,
Где слышатся простые имена.
Ярослав Васильев.

Порою мне в моих московских снах
Является родимое селенье,
И сердце наполняется томленьем...
Вдыхаю жадно запахи гумна,
Врачую душу водкой на кореньях.
В избу толпой заходят мужики —
Евлампии, Вавилы, Тришки, Провы.
Гудят степенно: «Ярослав, здорово!»
Играют девки в свайку у реки,
В хлеву мычат и телятся коровы.
Гречишной кашей тянет от жнивья,
На дальнем поле просо увязали,
С болота клюкву повезли возами...
И просыпаюсь просветленный я,
Омытый деревенскими слезами.
И за перо берусь — не утерпеть!
Ах, боже мой! И надо же — приснилось!
За что, скажите, мне такая милость!!
...А может, прежде съездить, посмотреть —
Все та же Русь! А если изменилась!..

Рисунок
В. ГИНУКОВА

МОНОПОЛИСТ: — Не понимаю, чем вы недовольны. И мы стоим в очереди.

ОПАСНЫМ КУРСОМ

Рисунок Н. ЛИСОГОРСКОГО

ВОКРУГ СВЕТА И ТЬМЫ

Крокодильская международная газета

— Господа! Правительство призвало нас выступить с протестом против нарушений прав человека в СССР.

(«Ойленшпигель», ГДР)

Обмен опытом

КОЛЛЕГИ

Плотный, как плед, туман опустился на парижский аэродром Орли, лишив транзитных пассажиров надежды в обозримом будущем попасть домой. Разноплеменная перелетная публика скучилась в баре, коротая время за напитками различной крепости. Капитан английской полиции Стэнли, возвращавшийся в Лондон после отпускного кейфа в Ницце, заметил рядом с собой плотного усача, шуршащего лондонскими газетами.

— Кажется, мы основательно застряли, земляк? — обратился капитан к усачу. И обознался. Сосед по столику оказался майором южноафриканской полиции Бульдом, направлявшимся из Франции домой, в Преторию. Коллеги разговорились.

— Да, — вздохнул капитан. — Мы в Англии, скажу честно, просто восхищаемся мастерством, с каким вы утихомириваете цветных. Что ни говори, а далеко еще нашей старушке Англии до ЮАР.

— Что верно, то верно. Я, честно говоря, смеюсь, читая ваши газеты. Взять хотя бы случай с пакистанцем на медеплавильном заводе фирмы «Йоркшир импириал металс». Администрация устроила ему после отпуска дурацкий экзамен на интеллект и знание языка, чтобы не принимать снова. К чему этот балаган? Подумаешь, проработал пятнадцать лет без отпусков на этом заводе. Вышвырнуть без разговора — и дело с концом. А начнет ерепениться — пихнуть в резервацию...

— У нас еще нет резерваций, — со вздохом сожаления заметил англичанин, — но кое-каких успехов мы все же добились. Если черный, например, стоит ночью на углу улицы английского города, его можно в любой момент схватить под предлогом «подозрения в попытке слоняться без дела с целью совершить наказуемое действие».

— О, это уже по-нашему! — усмехнулся многоопытный юаровец. — А вообще-то приезжайте лучше к нам в ЮАР, старина, под видом туриста, естественно. Приглашаю. Мы вас еще кое-чему научим.

СПЛИН СЭРА КАМЕРОНА

Самый точный перевод английского слова «сплин» дал еще Пушкин — хандра. Так вот сплин, он же хандра, — обычное состояние духа британского главнокомандующего Нейла Камерона. Ничто не радует господина генерала. Вот только в Китае он взбодрился, глаза его сверкнули молодецевато, когда, стоя перед личным составом китайского танкового полка, он гаркнул:

— Наш общий враг — Москва!

А вернулся на свои туманные острова и снова прокис духом. Недавно Камерон собрал на военно-морской базе в Чаттэме начальников штабов морских, наземных и воздушных сил и объявил хмуро:

— Наш общий враг — лейбористское правительство!

Свою мысль Нейл Камерон развил не только устно, но и письменно. Он представил доклад под названием «Путь вперед». Из документа явствует, что ничего путного не получится, покуда правительство не расщедрится на более крупные военные ассигнования.

Эту старую, унылую песню Камерон тянет не первый год. Но есть в его плаксивом докладе любопытные новенькие жалобы. Цитируем по газете «Дейли мейл»:

«Резкое ухудшение отношений между офицерами и рядовыми дошло до почти открытой вражды и неподчинения приказам. Очевидно, в этом повинно снижение жизненного уровня. Рядовые обвиняют офицеров в том, что те не заботятся о материальном положении солдат, а интересуются только своим жалованьем, чинами и пенсиями». И далее откровенный вопль тоски и разочарования в лучших мечтах: «Рекруты не поступают в вооруженные силы в том количестве, какого следовало бы ожидать в период высокой безработицы».

Бедняжка, этот Нейл! Одна у него была голубая надежда — на безработицу, и та не оправдалась. Он-то уповал, что, бесплодно натоптавшись в очередях на бирже труда, парни с отчаяния побегут записываться в армию. Ан нет!

Вот отчего и сосет душу британского главнокомандующего Камерона черная хандра, то бишь сплин...

Мих. ДВИНСКИЙ

Баллада о Недреманном Ухе

Мистеру Смиту не спится.
Тенькнул в тиши телефон...
Звук этот в ухе троится,
Как колокольный трезвон...
Нет, телефон не испорчен —
Просто за счет ФБР
В трубку пристроен
приборчик:
Микрокрамоломер.
Смит его выдрал брезгливо
И раздавил каблуком —
Так, будто мудрое диво
Было кусачим клопом.

Что ж, бедный мистер, ищите
Радиоклопиков тех
В люстре, в матрасе,
в бисквите,
В кукле, в любимом коте...
Но вездесущее Ухо
Лазером влезет в окно.
Как ни зашторивай глухо —
Слышит сквозь стены оно!
Ловится все, что слетает
С уст наяву и во сне,
И планомерно питает
Жадное брюхо досье...

Утро. Слипаются веки.
Смиту привиделся сон,
Будто в мозги для опеки
Страж электронный
внедрен.
И черепная коробка
Тайну не скроет теперь!
Схвачена мысль, как
воровка,
Бьется, как загнанный
зверь...
Мистер вцепляется в темя,
Череп свирепо скребя,
И — вместе с мыслями
всеми —
Скальп он сдирает с себя...

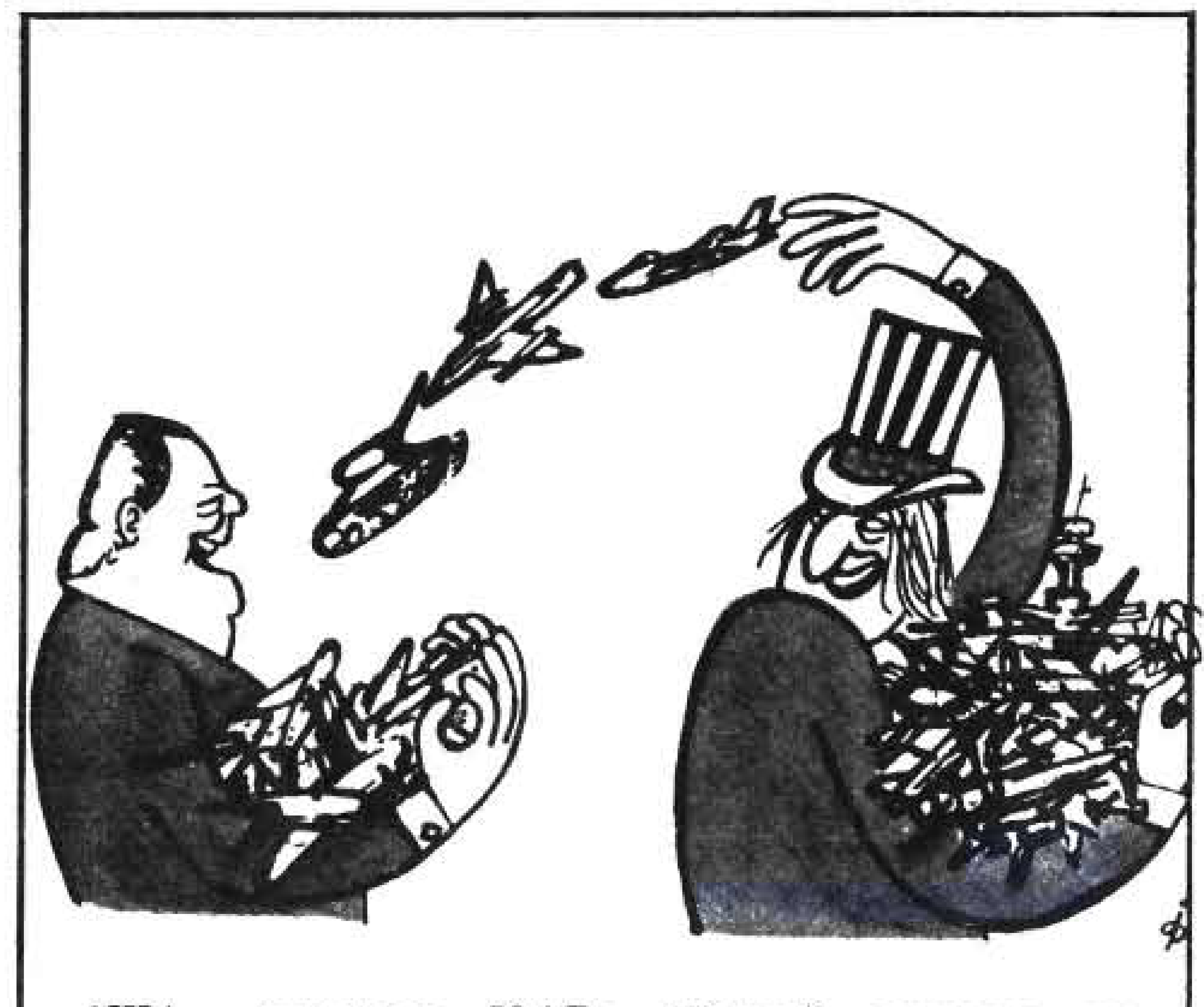
Жирная радиомуха
Кружит над телеклопом.
Бдит Недреманное Ухо,
Смитов накрыв колпаком.

ГУБЕРНАТОР-ТРОЕЧНИК

Учащиеся одного колледжа в городе Нашвилле, штат Теннесси, должны были написать домашнее сочинение на тему «Проблемы народного хозяйства США». Семнадцатилетние юноши проклинали свою несчастную участь: надо было копаться в статистических справочниках и сенатских отчетах и тратить на это драгоценные вечера. Но одному из них повезло: он вспомнил, что недавно губернатор штата Теннесси произнес перед законодательным собранием штата речь на ту же самую тему...

Счастливчик отыскал нужный номер газеты и слово в слово переписал речь. Учитель оценил эту домашнюю работу как посредственную и заметил: «Несколько здравых мыслей, а в общем и целом поверхностно».

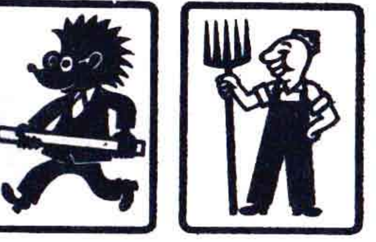
США — расистам ЮАР: — Прямой помощи вы от нас не дождетесь!

(«Дикобраз», ЧССР)

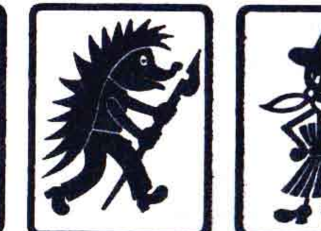

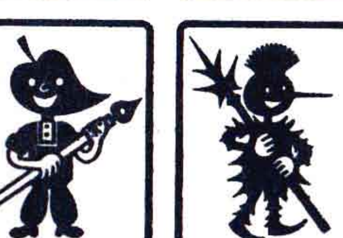

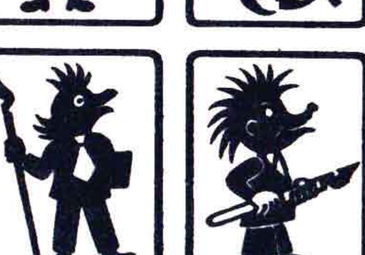

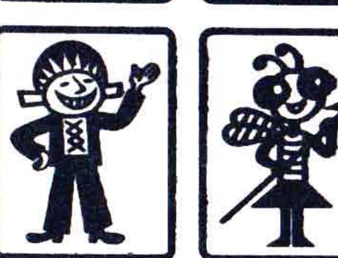

БРАТУ КРОКОДИЛУ

Прими, дорогой брат, сердечный привет от своей киргизской сестры Чалкан («Крапивы»). Как ты давно знаешь, крапива, эта злая и целебная трава, произрастает и в наших прекрасных степях, цветущих долинах Ала-Тоо, на берегах Иссык-Куля. Она больно жалит бюрократов, тунеядцев, рвачей, мздоимцев и прочих малосимпатичных граждан. Она излечивает недуги, чтобы они не мешали жизни честных тружеников нашей республики.

Представляясь твоим читателям, брат Крокодил, я на этот раз воздержалась от того, чтобы называть действительные фамилии и конкретные факты. Не хочу, чтобы к твоей обычной почте прибавились еще и кляузы, анонимки и «опровержения» от моих героев. Вздорные кляузы — лишние хлопоты. А у тебя, Крокодил, и своих хлопот и забот хватает.

Но уверяю тебя, брат мой, что и в обобщенных материалах и рисунках запечатлены, к сожалению, вполне реальные факты и явления, существующие в нашей киргизской действительности.

Прими, Крокодил, еще раз мой искренний дружеский сатирический салам!

Чон ыракмат — спасибо за внимание!

«ЧАЛКАН»

Насиридин БАЙТЕМИРОВ

РАССКАЗ

Жолоочу и короочу

Жолоочу — имя человека, в буквальном переводе означающее — путник, странник. Короочу — имя собаки, которое означает — сторожевой пес. Жолоочу был хозяином Короочу.

А стал он им так.

У Жолоочу не было пса. И он пошел на базар, где продавали собак всех пород и мастей. И Жолоочу выбрал и купил самого невзрачного щенка. Наступи такому на хвост, он и не тявкнет. Столь же тихими и безответными были все его двадцать прародителей, о чем хорошо знали базарные завсегдатаи.

Они смеялись над покупателем-простаком:

— Ну и чудак! Другие ищут себе сторожевых собак позлее, а ты нашел такую, что стукни ее по голове, она хвостом завиляет.

— Не беспокойтесь,— отвечал Жолоочу,— из этого щенка я сделаю такого свирепого пса, какие вам и не снились.

И сдержал свое слово. Щенок быстро подрос и лаял с такой злобой, будто иголок наглотался. Не то что постороннего человека не пропускал, мухи и то опасались пролетать поблизости от него. Соседям не было покоя от яростного лая и воя Короочу ни днем, ни ночью.

И однажды они собрались пойти к Жолоочу с просьбой, чтобы он немного убавил пыл своего сторожа. И странно: когда соседи с опаской шагнули во двор, собака не встретила их лаем. Тихо было и в доме. А когда соседи заглянули в спальню, то в страхе отпрянули: на кровати лежал мертвый Жолоочу. Позднее они заметили в будке и околевшего пса. Хозяин и его сторож умерли в одночасье.

Вскоре прояснилась и причина.

Жолоочу частенько выпивал и имел обыкновение добавлять водку в собачью похлебку. Пес сначала фыркал, отворачивался от еды, но потом приохотился к горькой шурпе. А нахлебавшись ее, свирепел. Так они и жили.

В тот день Жолоочу как раз ходил в гости, принял солидное угощение. А вернувшись, добавил еще и щедро угостил пса.

Такой большой дозы спиртного собачье сердце не выдержало. Скончался не приходя в себя и хозяин. И может быть, в этом совпадении не было ничего странного.

Ведь Жолоочу жил для Короочу, так же как и Короочу — для Жолоочу.

— А лекарство у меня патентованное: сорокаградусная и закуска.

Рисунок А. ТУРУМБЕКОВА

Сулуубек ТОКСОБАЕВА

С БАЗАРА ВЕРНУЛСЯ

— Эй, Эшбай, ты с базара идешь?

— Да, с базара.

— Этого худющего пестрого теленка водил продавать?

— Нет, я его не продавал, а, наоборот, купил.

— Погоди, сосед, не морочь мне голову. Разве этот теленок не от твоей пестрой коровы?

— Точно, от нее.

— Так кто же покупает своего собственного теленка?! Не пойму.

— А вот, чтобы понять, выслушай его историю. Этого пестрого теленка я подарил сестре на ее день рождения. Но у нее вскоре прохудилась кровля над домом. И она отдала теленка кровельщику, чтобы он достал железа и заново перекрыл всю крышу. А жестянщик, в свою очередь, уступил телка нашему лавочнику, который достал в городе модный джинсовый костюм для сына жестянщика, потому что тот собрался жениться. Ну, а у лавочника обнаружили в магазине недостачу, и он повел телка на базар. Вот я его и купил обратно. Потому что, считай, тот пестрый теленок вроде мне как родня...

— Фу-у! Дайте мне наконец поработать!

Рисунок С. МАКАШОВА

Эсенгул ИБРАЕВ

Подражание

ЦЫП, ЦЫП, МОИ ЦЫПЛЯТКИ

Кто мне предан бесконечно,
Ходит кто в вассалах вечных,
Кто готов схватить за горло
Негодяев вероломных.

Кто мой ум глубокий славит,
Кто восторгов не убавит,
Если спросят, мол, каков!
Не обидит простаков!

Цып, цып, мои цыплятки,
Развеселые ребятки,
Мои ласковые квочки,
Сваты, шурины, и дочки,
И двоюродные братки,
Ой, ой, мои цыплятки!

Будьте впредь семейкой дружной.
Вместе нам держаться нужно.
Под крылом своим укрою,
К делу теплому пристрою,

Дам квартиру в центре, с газом —
Все решу проблемы разом,
Жить раскованно позволю,
Хапать можно будет вволю.

Цып, цып, мои цыплятки,
Мастера бакшиша, взятки,
Вымогатели, ловчилы,
Мы гнездо большое свили.
Вы жадны, проворны, хватки!
Ой, ой, мои цыплятки!
Цып, цып...

ФРАЗЫ

И талант подвержен коррозии.

●

Он, конечно, содержал семью, но только левой рукой.

●

Когда создают голову, то подразумевают в ней и ум.

●

Мелис КАДЫРАКУНОВ

Сеит ДЖЕТИМИШЕВ

Беглые заметки

НЕИСПРАВНЫЙ ДОКЛАДЧИК

Солидный докладчик на трибуне стоял
И сыпал слова в переполненный зал.
Они падали вниз, как сушеный горох,
Невнятно, негромко, чтоб никто не оглох.

— Подкован оратор, несомненно, умен,
Да жаль, неисправен опять микрофон,—
Промолвил соседу эрудит Исмагул
И ватою уши покрепче заткнул.

СТРАННО...

Спасаясь от лисы, мышонок на скалу забрался
И там собою любовался, красовался...
Мышонку кот отвешивал поклоны страстно, рьяно —
Бывает так средь полевых зверей, но странно...

ТРАНСПОРТНАЯ ЛЮБОВЬ

Вишневого цвета купил «Жигули» —
Прогулки с «подружкой» Ахмета влекли...
Супруга Ахмета страдала недолго —
Влюбилась в джигита с малиновой «Волгой».

Рисунок КАНЫБЕКА

Садыр САРЫГУЛОВ

МОРСКОЙ ДРАКОН

Как только все, кто хотел, уверовали, что в озеро вселился морской дракон, тут тотчас же создали научно-исследовательский институт по изучению, а возможно, и поимке чудовища. Давно это было — лет пятнадцать назад. С тех пор почтенное научное заведение возглавляет Суран.

Вот он вызвал своего заместителя Акматбека и спросил:

— Отчет подготовили?

— Так точно, товарищ Суран, можете подписывать.

И Суран подписал научный отчет, не читая. Читать и не требовалось. Суран знал, что в отчете говорилось об очередном просчете: попытка выловить чудовище особо прочной капроновой сетью закончилась неудачей. То ли ловцы зацепили какую-то крепкую корягу, то ли дракон разбушевался, но только сеть оказалась порванной в клочья.

— О чем хоть болтают в институте? — спросил Суран своего верного помощника и информатора.

— Все о том же: одни говорят, что у дракона сорок голов, а другие утверждают, будто у него сорок ног. Ведь в глаза-то его никто не видел...

— Как думаешь, не срежут ли нам ассигнования на следующее пятилетие?

— Могут срезать, если не выдвинем какой-нибудь интересной гипотезы.

Суран и повелел Акматбеку:

— Собери-ка научный персонал.

Когда явились все старшие и младшие научные сотрудники, Суран заявил им:

— На предстоящее пятилетие в качестве рабочей гипотезы берем сорокаголового дракона. Следовательно...

— Следовательно...— как эхо повторил верный заместитель.

— Следовательно, — продолжил Суран,— отныне каждый научный сотрудник должен обзавестись длинным и прочным лассо-укуруку и начнем ловить...

— Рыбу? — спросил какой-то нетерпеливый млансо [1].

— Умолкни, салага,— толкнул его в бок сосед справа.— Кто же ловит рыбу с помощью укуруку? Лошадей в табуне — это еще куда ни шло.

— Верно,— подхватил Суран.— Только, взяв в руки укуруку, мы будем ловить не лошадей, а постараемся заарканить нашего сорокаголового дракона.

— Браво! — восхищенно воскликнул Акматбек.

Так институт вступил в свое четвертое пятилетие. А на очереди были еще не испытанные в деле проволочные западни, ловушки из прочнейшего конского волоса и стальные капканы. Ведь с годами чудовище росло, прибавляло в весе, и для его задержания требовались все более мощные орудия и все увеличивающиеся ассигнования. Блестящие перспективы.

[1] Младший научный сотрудник.— **Прим. ред.**

ПРИВЛЕКАТЕЛЬНАЯ ПЕРЕДАЧА

Рисунок О. АСАНОВА

Макей ЖООШБАЕВ.

ШУТКИ ЧОНТОЯ*

НАШЕЛ ВЫХОД...

Мулла Нышан обходил все дома аила и строго предупреждал:

— Завтра с рассветом начинается орозо (мусульманский пост). Кто хочет заслужить милость создателя, должен тридцать дней до захода солнца не брать в рот ни крошки. Умерьте свой аппетит.

Чонтой выслушал наказ муллы, потом отозвал его в сторону и сказал:

— Прости меня, наместник бога на земле. Совсем я запамятовал, что приближается орозо, и поставил целый бочонок просяной закваски для бозо (вид браги). Что ж, теперь придется все выливать?

— Ни в коем случае! — зашептал мулла Чонтою на ухо.— Нацеди ведро напитка, прикрой тряпкой и принеси мне. А уж аллах надоумит, когда можно будет выпить эту бражку — бозо.

ОПОЗДАЛА...

Подросток прибежал к мулле Нышану и сказал ему:

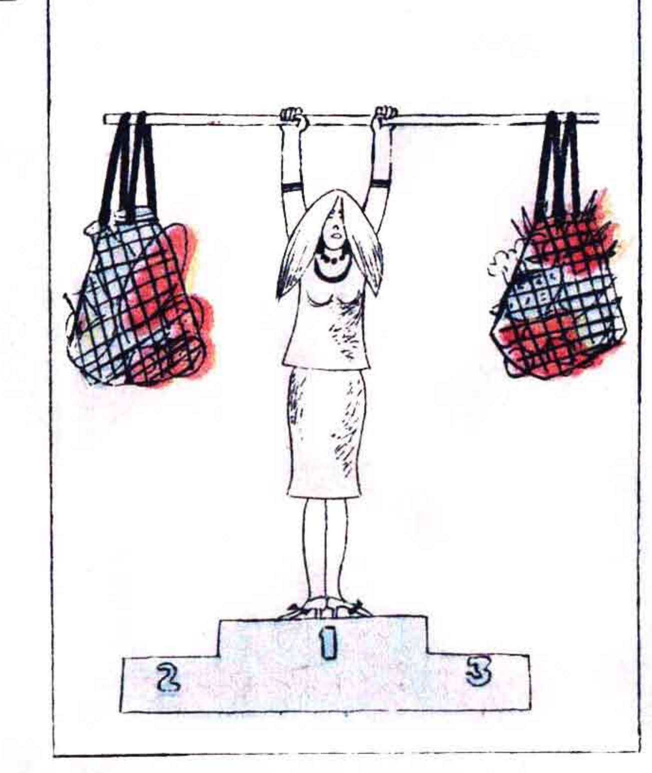
— Дядя мулла, моя мама давно болеет. Нынче ей стало совсем плохо, и она просит вас, не можете ли провести эту ночь за молитвой у ее постели?

— Не могу, парень. Скажи матери, что я себя скверно чувствую.

Когда огорченный мальчик возвращался домой, то встретил Чонтоя. Узнав в чем дело, он сказал:

— Твоя мать со своим вызовом явно запоздала. Вот если бы она обратилась к мулле с подобной просьбой лет двадцать—тридцать назад, то результат был бы совсем иным...

* Чонтой — веселый мудрец из киргизского фольклора.

Рисунки М. ТОМИЛОВА

Перевел с киргизского Мануил СЕМЕНОВ

ИЗ ЗАЛА — СЮДА!

ПРИКУП И ВЫКУП

Юный таксист Олег Курганский кого-то ограбил. Вздохнув, папа Олега явился в суд. Первый же респектабельный человек, которого он увидел тут, оказался любезным и словоохотливым.

— Я работаю здесь заведующим,— сказал он.— Зовут меня Николай Иванович Сошнев.

Сердце у Курганского-папы екнуло. Начальник, заведующий — это как раз то, что требуется.

— Сынок у меня есть, оболтус эдакий,— начал было он.

— Знаю, все знаю,— мягко остановил его Николай Иванович.— Сколько эти дети доставляют горя нам, родителям! Впрочем, что это мы в коридоре разговариваем! В кабинет вас не приглашаю, там спокойно не поговоришь: то телефоны звонят, то судьи зайдут посоветоваться, прокурор заглянет перекурить. Знаете что! Пойдемте в гараж, там уж ничто нас не отвлечет.

В гараже действительно было тихо. Заведующий сразу перешел к делу. К уголовному.

— Помочь вашему мальчику можно. Но, не скрою, это будет дорого стоить.

— Мы за ценой не постоим,— смутился папа, устыдившись, что его могут заподозрить в скупости при такой стрессовой ситуации.

Цена оказалась легко запоминающейся — десять тысяч. На другой же день жена Курганского повезла мало-мальски ценные вещи в ломбард. Сноха взяла на себя комиссионные магазины. Хозяин дома срочно восстанавливал полузабытые родственные и дружеские связи. В результате кошмарных финансовых усилий заметно осунувшийся Владимир Григорьевич в потрепанном костюме и без обручального кольца явился в суд. Последние сотни состояли сплошь из очень потрепанных рублей, тусклого серебра и затертых медяков.

— Теперь все в порядке,— Сошнев ласково погладил увесистый мешок и небрежно бросил его в сейф.— Ждите ответа.

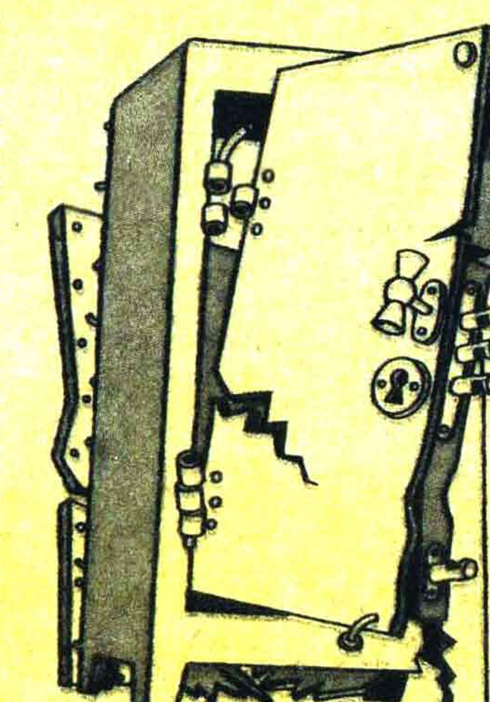
Увы, ответ был убийственным.

— По ходу дела выяснилось,— услышал ошеломленный отец,— что ваш отпрыск ограбил еще одного человека. Чтобы замять этот случай, потребовалось семь тысяч. Да две тысячи дали потерпевшему. За молчание.

— Значит, он не случайно оступился, а сделал грабеж своей профессией! — вспылил папа.— В таком случае я отказываюсь от него. Верните мне выкуп.

— Деньги уже переданы кому следует,— напомнил Сошнев.

— Верните хотя бы остаток,— взмолился папа.

— Я посоветуюсь с главным шефом из вышестоящего органа. Как он скажет, так и сделаем. А хотите, я сожгу весь суд вместе с уголовным делом вашего сына!

От такой перспективы папа содрогнулся.

— Как зовут вашего шефа?— И, запомнив фамилию, явился для непосредственного контакта.

— Скажите, фамилия Курганский вам ни о чем не говорит? — осведомился любящий отец.

— Нет,— чистосердечно ответил владелец кабинета.

— С Сошневым вы знакомы? — продолжался допрос.

— Если вы имеете в виду завхоза Одинцовского суда, то — да.

— Как, завхоза! — взмок посетитель.— Разве он не заведующий?

— Заведующий хозяйством.

— В таком случае я приду вместе с ним.

— Если он мне понадобится, я его вызову,— резонно возразил «шеф».— Вы-то, собственно, зачем пришли?

Ответа не последовало: спасаясь от возможного нервного потрясения, Владимир Григорьевич трусцой бежал в прокуратуру заявлять о случившемся. Именно это и спасло Курганского от участи прикупившего его жулика Сошнева, который ближайшие семь лет сможет оказывать правовые услуги другим осужденным в колонии строгого режима. Но им не удалось спасти десятитысячный гонорар, на что оба твердо рассчитывали: деньги обращены в доход государства.

А хотите знать, в какой сейф завхоз спрятал деньги?

Этот сломанный сейф и сейчас стоит в коридоре суда.

М. ХАЗИН
Московская область.

В. ПОБЕДОНОСЦЕВ

ЛАКОМКИ

Рассказ

Мы сидели в институтском буфете и лакомились... словами.

— Аквилон...— мечтательно улыбаясь, почти пропел Сергей Венедиктович.

Мои губы невольно дрогнули в ответной улыбке.

— С вашего позволения, сударь, это сильный северный ветер, а у древних римлян — один из мифических богов, олицетворявший этот ветер.

— Ответ исчерпывающий, Георгий Алексеевич. Теперь ваш ход — я весь внимание...

— Смею обеспокоить вашу благороднейшую память словом «алькасар»...

Сергей Венедиктович прикрыл глаза и, тихонько покачиваясь в удобном пластмассовом кресле, принялся томно повторять: «Алькасар, алькасар...» Было видно, что это доставляет ему чувственное наслаждение.

— Какая потрясающая звуковая гамма в названии укрепленных испанских замков,— едва слышно, все еще находясь в сладкой неге, сказал он.— Эти замки обычно строились в мавританском стиле... Благодарю, коллега, за полученное удовольствие... Чем бы мне вам ответить? Вот, пожалуйста,— Аяксы.

— Ну-у, обижаете, милостивый государь... Кто же не знает неразлучных друзей из гомеровской «Илиады», двух героев, сражавшихся в греческом войске против троянцев?! Не обессудьте, но я загадаю вам загадку похитрее. Афелий!

— Может, Афелия? — с надеждой переспросил Сергей Венедиктович.

— Нет, сударь,— предчувствуя удачу, отрезал я.— Вы не ослышались — афелий!

Сергей Венедиктович сжался в упругий комок. Глаза его замерли на невидимой точке пространства. Утренней росой проступило на высоком челе титаническое внутреннее напряжение.

Наконец уха моего коснулось благостное:

— Сдаюсь... Я не знаю, что такое афелий...

— Афелий — это наиболее удаленная от Солнца точка орбиты какой-либо планеты!

Я сорвался с кресла, пробежал метра три, подпрыгнул и вонзил в воздух стиснутый добела кулак — как это делают все футболисты мира, когда поражают ворота соперника. Для полного счастья мне не хватало только ревущих зрителей и партнеров, с которыми можно было бы облобызаться. Так я открыл счет в нашем очередном лингвистическом матче.

К половине двенадцатого, как обычно, мы разыграли «АБВГДейку»,— то есть проверили эрудицию друг друга в пределах слов, начинающихся на первые пять букв алфавита. По правилам, разработанным нами еще год назад, каждый дуэлянт делал по пять словесных выстрелов на одну и ту же букву, неукоснительно следя при этом за эстетикой слова. Если кто-то вдруг «стрелял» жаргонизмом, он, что называется, забивал гол в свои ворота...

Увы, после «АБВГДейки» счет был уже 3:2 в пользу Сергея Венедиктовича. Он, как оказалось, не подозревал, что Брахма — верховное божество индуистской троицы (Брахма, Вишну и Шива), а я жил в неведении, что вольтфас — внезапный поворот лицом к преследующему, гавиал — узкорылый крокодил длиной 5—6 метров, делирий — бред со зрительными галлюцинациями.

Я алкал реванша, с языка уже сорвалось изящное, как газель, слово «ипокрена» (буквы «е», «ж», «з», как известно, непродуктивны и мы их давно исчерпали), когда дверь отворилась и вошла наша буфетчица Валентина Ниловна. Полоснув нас свирепым взором («Ну ты подумай — ужо сидять! Управы на вас нету!»), эта женщина-ретроград заняла свое рабочее место и яростно загрохотала ножами-ложками-вилками. В качестве защитной меры мы уперлись локтями в столик и сблизились головами...

— Ипокрена — это волшебный источник на Геликоне,— сказал мне в нос Сергей Венедиктович,— источник муз, забивший от удара Пегаса копытом... Очень красивое слово, коллега, вы сегодня в отличной форме... А вот поясните, сделайте одолжение, что такое йглу?

Я поднял руки.

Захлестнутый половодьем радостных чувств, Сергей Венедиктович снова опалил мой нос своим дыханием:

— Иглу — это ледяные хижины куполообразной формы у эскимосов! Простите за неэтичное напоминание, коллега, но вы проигрываете 2 : 4.

Отыграть одно очко мне удалось лишь на букве «к». Срезал соперника Кааба — мусульманский храм в Мекке, в стену которого вделан черный камень, якобы упавший с неба. Буква «л» не принесла перевеса ни одной из сторон, но уже на «м» Сергей Венедиктович снова резко ушел вперед, вежливо объяснив мне, что марина — вовсе не женское имя, а картина, изображающая морской вид, а монтекристо — отнюдь не граф, а система малокалиберных ружей и пистолетов.

В этот момент Валентина Ниловна широко распахнула двери буфета, и его тотчас стали заполнять сотрудники института. Значит, уже час! Как говорится, на обеденный перерыв команды ушли при счете 3 : 6 не в нашу пользу. Но это лишь так говорится. На самом деле мы, как послушные дети, опрометью кинулись к Валентине Ниловне и, опередив всех, получили из ее недовольных рук по порции салата, сосисок и по стакану чая. Сметя все это в считанные секунды, мы побежали в свой отдел. Сослуживцев не было, мы наспех устроились между кульманами в глубине комнаты и немедленно принялись за работу.

— Нанду!

— Страус! Водится в степях Южной Америки.

— Ответ точный. Ваш ход, Сергей Венедиктович.

— Наутилус!

— Род головоногих моллюсков! Водится в в Индийском океане, но к капитану Немо отношения не имеет... Теперь мой ход. Негус негести!

— М-м... э-э...

— Время, Сергей Венедиктович, время! Обеденный перерыв кончается, сейчас сюда нахлынут орды товарищей по работе...

— Сдаюсь...

— То-то. Негус негести — это «царь царей», некогда титул императора Эфиопии... Ваш ход...

— Ню!

— Не понял.

— Вижу — не знаете. Ню — это изображение обнаженного тела!..

Как мы себя ни подгоняли, а к концу обеда добрались лишь до буквы «п». Вообще эти 40—50 минут, которые мы проводили в отделе, всегда были крайне мучительными: чувствуя себя затравленными зайцами, мы то и дело озирались на дверь — не вошел ли начальник, нервничали, спорили, дулись и даже сердились друг на друга. Но куда было податься, если все остальные помещения кишмя кишели жующими и гомонящими сослуживцами!..

Как только в отдел вплыл первый сытый сотрудник, мы резво вскочили и, подхватив с чьего-то стола чертеж, двинулись ему навстречу, деловито тыча пальцами в кусок ватмана и неразборчиво споря: пусть видит и другим расскажет, что некоторые работают даже в обед!

Выйдя на лестницу — наше постоянное прибежище на те 10—15 минут, в течение которых сослуживцы расползались по своим рабочим комнатам, мы в темпе блиц разыграли букву «п». Совершенно неожиданно блиц принес мне два очка: Сергей Венедиктович не ведал, что прозрачным словом «парасоль» французы называют зонтик от солнца, а рычащим «парфорс» — они же — колючий ошейник.

Но когда мы возвращались в нашу тихую, уютную обитель — буфет, Сергей Венедиктович грациозно отомстил мне латынью:

— Репетицио эст матэр студиорум!

Гулко, точно в соборе, прокатились по опустевшему коридору звуки божественного языка. Заметив, что я похлопываю ушами, он перевел:

— Повторение — мать учения! Так-то, коллега!

Счет стал 8 : 6 не в мою пользу.

К букве «с» и к буфету мы подошли одновременно. И в этот миг дверной проем начал заполняться... начальником нашего отдела Иваном Лукичом. Медленно и долго — по причине необычайной тучности — выплывал он из буфета, промокая лицо платком размером с простыню.

— Здравствуйте, разлюбезные мои научные сотрудники! Как мило с вашей стороны, что вы навестили свои рабочие места,— сардонически зарокотал Иван Лукич.— Однако с чего вдруг такая блажь, что это вы здесь делаете?

— Играем,— машинально бухнул я. И хотя тотчас моя ладошка хлопнула по моим же губам, пытаясь загнать обратно предательски вырвавшееся слово, было уже поздно...

— Объяснитесь! — Теперь Иван Лукич походил на грозовую тучу в полнеба.

Мы стояли, потупившись, как не выучившие урок недоросли. На моих ушах можно было жарить яичницу. Сергей Венедиктович усердно полировал половицу носком ботинка. И тут, видимо, вспомнив, что чистосердечное признание облегчает участь преступника, он поспешно принялся излагать суть нашей лингвистической игры. Перепугавшись за свою участь, я перебил его и довершил объяснение.

— Оч-чень интересно! Следуйте за мной.— Интонация Ивана Лукича была «многообещающей».

По дороге в кабинет начальника Сергей Венедиктович, сорвавшись на пошлый жаргонизм, шепнул мне:

— Строгача не миновать!

— И нотаций на полчаса,— тоскливо добавил я.

От Ивана Лукича мы вышли в 18.15. То есть только через 15 минут после того, как в институте вымерло все живое. Но мы не вышли, мы выползли — опустошенные, измочаленные, испепеленные. Четыре часа Иван Лукич в диком темпе гонял нас от «А» до «Я», являя нам чудеса эрудиции и побивая то древнегреческим, то старославянским. Разгромив нас в пух и прах, он приказал:

— Завтра в 9.00 назначаю вам матч-реванш. Попрошу без опозданий.

Под углом 40°

И. ДВИНСКИЙ
В. КОВАЛЬ

ОКНО В ПРИРОДУ

Летом меня потянуло на юг. Решил перед диссертацией нервишки наладить, а уж потом внести посильную лепту в большую науку. Дома идею с отдыхом поддержали, но на стадии сборов возникли разногласия. Теща категорически запретила мне хранить деньги в бумажнике.

— Мало ли что случиться может? Отдыхать-то будешь среди людей — оглянуться не успеешь, как бумажнику ноги приделают!

Поэтому она вшила в мои брюки потайной кармашек и велела положить туда хотя бы половину суммы.

— А остальную половину положишь на аккредитив,— вмешалась жена.— Из-за своей расхлябанности вечно ты все теряешь!

— Правильно, Лена,— согласилась теща.— Пускай и пиджак новый дома оставит. Нечего!

Пиджак был абсолютно ни при чем, но с моими женщинами спорить бесполезно. В лучшем случае они идут на компромисс. Вот и сейчас: свой пиджак я оставил в шкафу, а на юг взял старый дедушкин, который и потерять не жалко. Вместо электробритвы «Агидель» пришлось взять дедову опасную, величиной с казацкую саблю. А вот с ботинками загвоздка вышла — спасибо, сосед выручил, сапоги подарил. Тоже от его деда остались. Так что моими на мне одни брюки оказались, и то потому, что в них половина суммы зашита была. Хорошо, удалось фотоаппарат — хобби мое — незаметно в чемодан сунуть и носками забросать...

Веселоморск — это райский уголок на берегу. Сюда заезжают композиторы, литераторы и некоторые исполнители. Но вообще здесь скучновато, хотя дамы, конечно, есть. Попробовал за некоторыми поухаживать, но они по одежде судят и думают, что я старенький и стану их по ресторанам водить. А у меня все деньги в штанах зашиты. Причем теща так искусно замаскировала кармашек, что я все штаны искромсал, пока до денег добрался. А без штанов по городу ходить нельзя. Только по пляжу. Пришлось купить на половину суммы парусиновые брюки. А еще купил галстук с русалкой на узле. В столовую только при галстуке пускают, а нет его — стой два часа в чебуречную. А тут новая беда: кончилась первая половина суммы. Сунулся было за аккредитивом... Мама, лучше бы я остался маленьким! Вторую половину суммы как корова языком слизнула. И все из-за того, что к аккредитиву корешок прилагается. А на корешке написано: «Хранить отдельно от аккредитива». Вспомнил тогда, что аккредитив с корешком я еще в купе спрятать поторопился. Так что, ту-ту мои денежки!

И тогда я вспомнил про фотоаппарат. Как-никак вещь стоящая, с объективом. Хотя, конечно, жалко: во-первых, хобби от себя отрываю, а во-вторых, я за него продавцу переплачивал. И потом фото — это окно в природу, ведь в старости приятно карточки разных пейзажей и женщин перебирать, молодость вспоминать... Но продавать надо; правда, решил напоследок для себя пленочку отщелкать. Сижу, море снимаю, чаек, небесную лазурь, типа одного, который на голове стоял. И, конечно, себя запечатлеть не забыл. С различными выражениями лица. А потом женщина одна понравилась. Она хоть вся грязью и облепилась, но все равно видно, что в молодости красивая была. Щелкнул ее пару раз, а она заметила и мужу что-то сказала. Тот ко мне. Ну, думаю, скандал. Только бы фотоаппарат не повредил — завернул его в полотенце на всякий случай. Жду, мышцами играю. Он ко мне долго среди лежаков пробирался, но пробрался все-таки. Упорный.

— Вы меня,— говорит,— случайно не снимите?

— Зачем же случайно,— отвечаю.— Я и нарочно могу.

— Карточки скоро? — спрашивает.— Нам ведь уезжать через три дня.

И тут до меня дошло. Он ведь меня за профессионала принял — они тут с чучелом оленя работали.

— Фотография почти моментальная! — не растерялся я и повел его прямиком к чучелу.

Снял его с женой и оленем в трех видах. Полная идиллия. По пятерке за вид. Не успел переварить, как подходит ко мне тот, что на голове стоял.

— Вы,— объясняет,— меня надысь тоже сфотографировали. Когда получить можно?

Взял с йога три рубля. И пошло! До часу дня отбоя от клиентов не было — чуть солнечный удар не получил. Пришлось панаму купить. Увеличитель и все условия хозяин койки напрокат дал. Вечером проявлял и печатал. Утром раздавал и снимал. До того дошло, окунуться некогда! Весь месяц крутился как белка в колесе, годовой оклад заработал...

Жена и теща довольны остались.

— Видишь,— говорили они,— раз в жизни нас послушал, так и сам отдохнул, и от тебя отдохнули, и заработал, как настоящий мужчина. Теперь и диссертация пойдет.

Им, конечно, виднее, но лично я засомневался: может, большая наука — это моя большая ошибка?

«За нарушение правил советской торговли продавцу магазина № 7 Ермаковой Анне Алексеевне вынести строгий выговор и строго предупредить ее, если еще раз она нарушит правила советской торговли, то будет переведена на работу в другой магазин».

(Из протокола заседания правления сельпо).
Прислал В. Плуталов, Тамбовская область.

«СПРАВКА

Дана настоящая справка гр. Мельникову Ивану о том, что он действительно проживает в гор. Андижане... Имеет на иждивении, состав семьи: Куры в количестве 30 штук».

Прислал Н. Добрынин, г. Андижан.

«10.00 Радиобеседа врача: «Алкоголь твой врач».

(Из плана мероприятий в санатории ВТО «Актер»).
Прислал А. Петров, г. Сочи.

«АЛКОГОЛИЗМ — это дело всей общественности!»

(Плакат в поликлинике № 8).
Прислал З. Рахимов, г. Ташкент.

«Запрещается допускать хранение в гардеробных легко воспламеняющихся рабочих и спиртных веществ».

(Из инструкции).
Прислал [illegible], г. [illegible].

«...Организовать соревнования по стрельбе из пневматической винтовки по предприятию».

(Из плана мероприятий).
Прислал [illegible], г. Москва.

«ДК МЕТАЛЛУРГОВ

1, 2 июля. «Транссибирский экспресс» — 17, 27 (удлиненный)».

Газета «Балхашский рабочий».

«Сгоревший аттестат Ф № 060976, выданный Купреевской средней школой в 1977 году на имя Кругловой Раисы Васильевны, считать недействительным».

Газета «Ленинское знамя», г. Гусь-Хрустальный.

Рисунок Г. КАРАВАЕВОЙ

Мой недолгий ящик

По заявкам читателей

А КЕНТАВР НЕ ПОДОЙДЕТ?

Здравствуйте!

Пишет вам девушка из города Капустин Яр. Мне 19 лет.

...Какую чушь рисует С. Спасский. Я имею в виду рисунок в 31-м номере за прошлый год. Вы очень отвратительно изображаете женщин. Вот бы взяли и изобразили мужчин в таком «интересном» виде?!

Дорогая незнакомка из города Капустин Яр!

Если уж быть точным, то я рисовал не женщину, а русалку, которая женщиной является только наполовину, а наполовину — рыбой. Мужчину в таком «интересном» виде я нарисовать не могу: ведь всем известно, что «русалов» не бывает. Но вот в «Крокодиле» еще за 1974 год, в 29-м номере, я изобразил кентавра (мужчину-лошадь). Может быть, Вас это устроит! Повторяю рисунок специально для Вас.

С уважением С. Спасский.

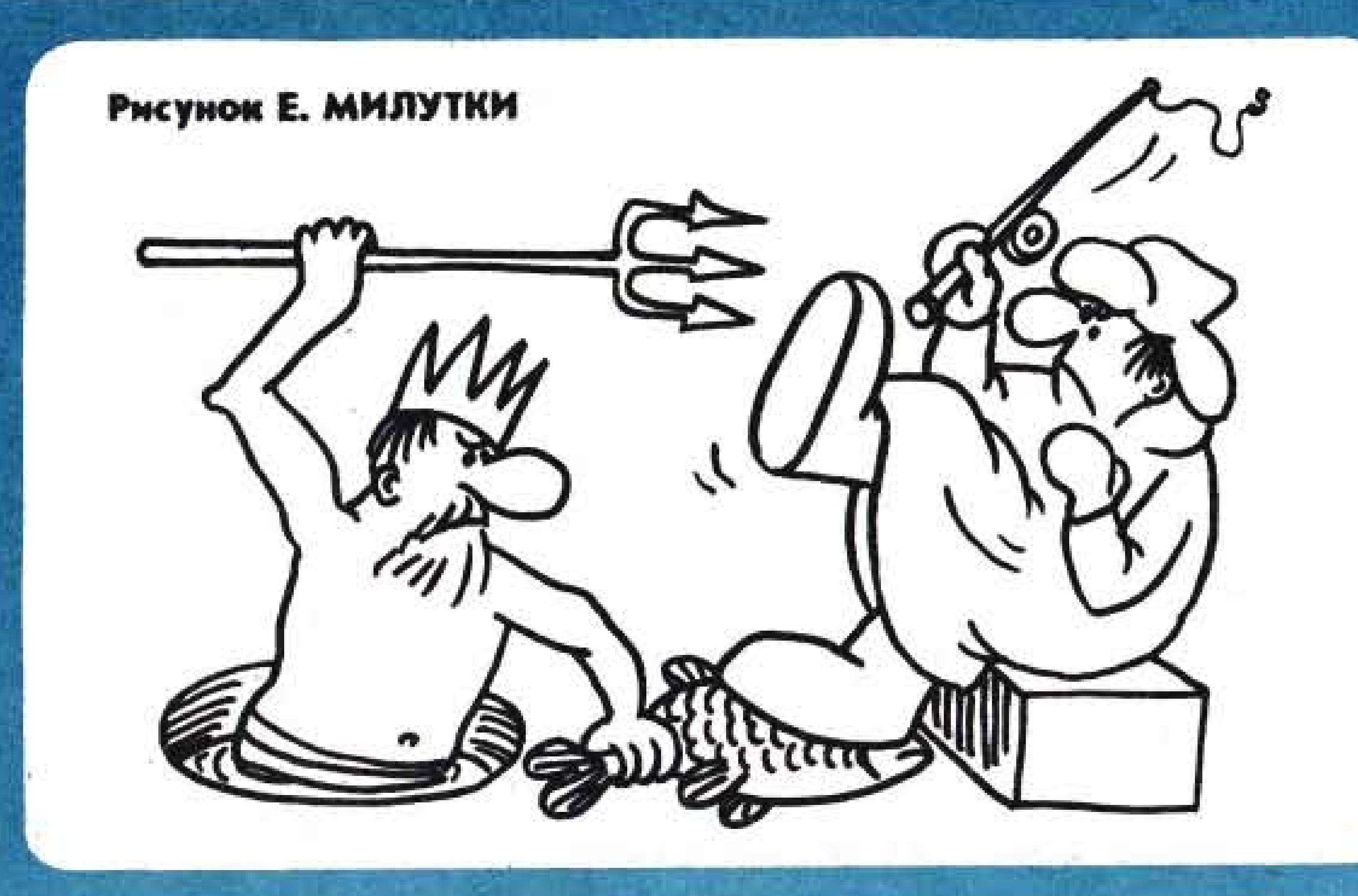

Рисунок Е. МИЛУТКИ

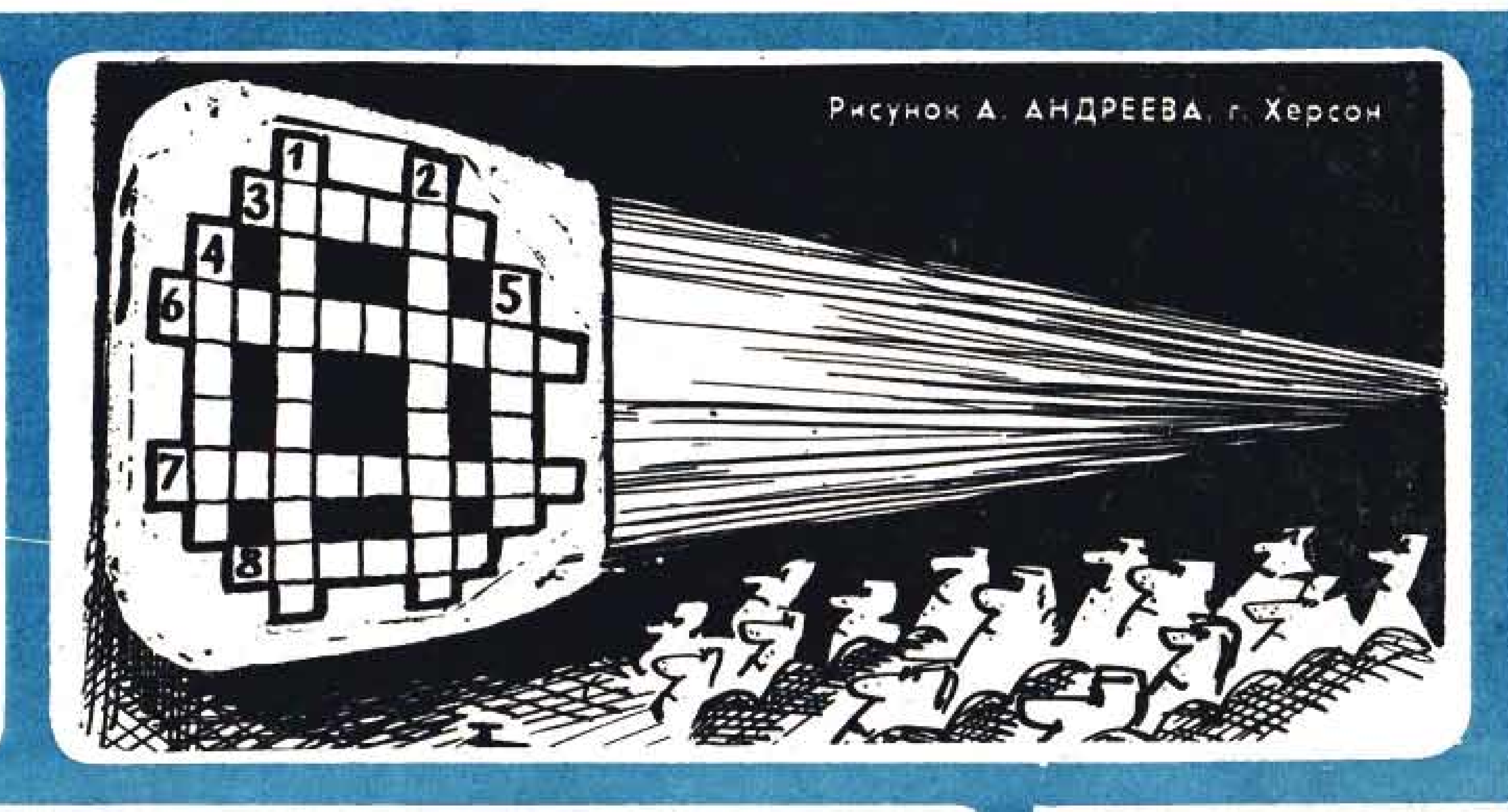

Рисунок А. АНДРЕЕВА, г. Херсон

КРОКОДИЛИНКИ

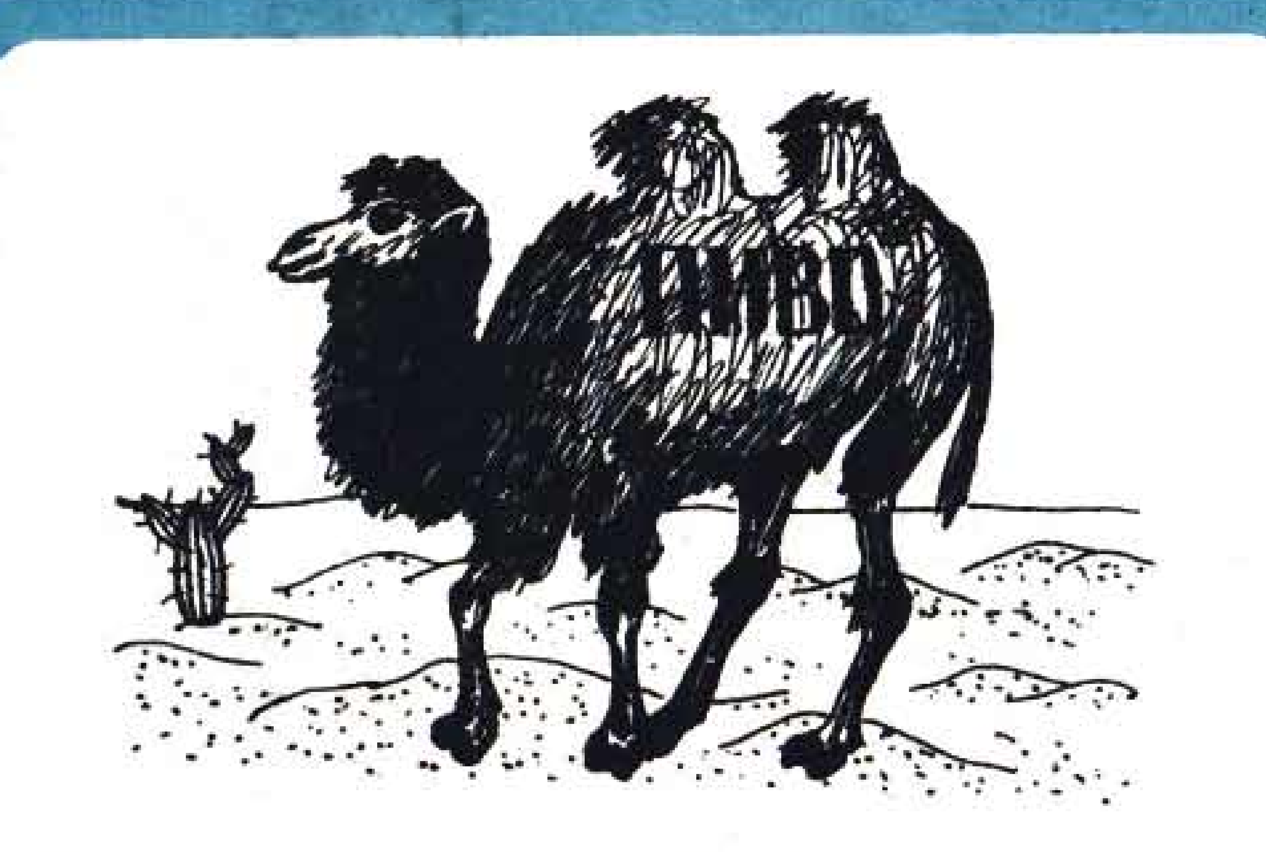

Рисунок В. ИНОЗЕМЦЕВА, г. Караганда

— Зачем ты полила эти цветы на ночь?

Рисунок А. АЛЕШИЧЕВА

— Знакомься: мой жених, сотрудник бюро прогнозов.

Рисунок С. СПАССКОГО

— Кажется, вошли в слой палеолита.

Рисунок Г. ОГОРОДНИКОВА

— Вот видишь, до чего доводят рогатки!

Рисунок В. БОКОВНИ, г. Ленинград

— Теперь успею на шабаш...

Рисунок А. ЯЛОВА

ДОЛГОЕ ОЖИДАНИЕ

Еще в марте 1977 года птицесовхоз «Кутулинский» (Аларский район, Иркутской области) сдал в ремонт две автомашины ГАЗ-53 Будаговскому авторемонтному заводу. Бежали месяцы, а машины обратно не приезжали. Птицесовхоз обратился за помощью в «Крокодил».

Зам. председателя Госкомсельхозтехники РСФСР М. Рассказов сообщил, что директору завода В. Леваде объявлен выговор. Автомашины отремонтированы.

ДОРОЖКА НАЛЕВО

В промтоварном магазине поселка Бобрики дефицитные товары, в том числе ковровую дорожку, продавали из-под прилавка, писала читательница Г. Тальвинская.

Председатель правления Тульского облпотребсоюза Е. Корнев сообщил, что заведующей магазином В. Ворониной объявлен выговор. Председателю Бобриковского потребобщества Н. Дорофееву указано на недостаточный контроль за работой магазина.

ЛИШНИЙ ТЕРРИКОН

В письме А. Безручко из г. Донецка сообщалось, что у террикона шахты «Кировская» не один год ссыпают мусор и различные отходы.

Главный государственный санитарный врач г. Донецка В. Соловьев, которому было направлено письмо, сообщил, что наложены штрафные санкции на директора шахты «Кировская» Б. Севостьянова и зам. директора по быту А. Финько. Им предложено ликвидировать свалку.

ИТОГИ КОНКУРСА НА ЛУЧШУЮ ТЕМУ В ПОМОЩЬ ХУДОЖНИКУ

Первая премия в размере 200 рублей присуждается

И. ПОЛИЩУКУ (г. Новотроицк, Мордовской АССР) за тему к рисунку И. Семенова «—Я должен сообщить вам пренеприятное известие: от нас уехал ревизор!» («Крокодил» № 36 за 1977 год).

Две вторых премии по 100 рублей получают:

Е. МАЛЫШЕВ (г. Гороховец, Владимирской обл.) за тему к рисунку В. Шкарбана «— А вам хватит!» (№ 12, 1978 г.).

С. ШАПИЕВ (г. Житомир) за тему к рисунку Г. Андрианова «— Воротись, дурачина, к рыбке, поклонись ей, выпроси «Сказки А. С. Пушкина» (№ 15, 1978 г.).

Три третьих премии по 75 рублей:

А. ДМИТРИЕВ (г. Москва) за тему к рисунку В. Шкарбана на обложке № 35 за 1978 г.

А. НАУМЧУК (Московская обл.) за тему к рисунку Г. Андрианова «— Привет, бог! Тебе вагон с кочергами не приходил!» (№ 30, 1977 г.).

В. ПУЕРОВ (г. Магадан) за тему к рисунку Г. Андрианова «— Вы ошиблись домом: волшебник живет рядом, а я простой завмаг» (№ 8, 1978 г.).

Пять поощрительных премий по 50 рублей:

А. БАНУ (г. Владивосток) за тему к рисунку Е. Шабельника «— Пока следующий подъедет, белье успеет высохнуть» (№ 34, 1977 г.).

В. ИЛЛАРИОНОВ (г. Вышний Волочек) за тему к рисунку П. Гейвандова «— Не иначе, как и нас в Красную книгу занесли!» (№ 29, 1977 г.).

А. МАЛАМУД (г. Душанбе) за тему к рисунку В. Сафонова «Шахматы по-ЮАРовски» (№ 31, 1977 г.).

О. САФРОНОВ (г. Москва) за тему к рисунку А. Семенова «— Сомневаюсь, что они будут летать...» (№ 19, 1978 г.).

Ю. СКАЧКО (г. Новокузнецк) за тему к рисунку А. Елисеева «— Волнуюсь я! Ведь, что ни говорите, сегодня контрольная» (№ 5, 1978 г.).

СЕРДЕЧНО ПОЗДРАВЛЯЮ ПОБЕДИТЕЛЕЙ КОНКУРСА!

КРОКОДИЛ

СОСТЯЗАНИЕ ОСТРОСЛОВОВ

В десятом номере журнала за 1977 год был объявлен конкурс на самое остроумное, свежее и смешное определение набивших оскомину выражений — «Что бы это значило!». Читателям предлагалось юмористически «расшифровать» словесные штампы, пословицы, поговорки, приметы и т. п.

Тысячи читателей приняли участие в этом состязании остроумных. В тридцати шести номерах «Крокодила» было опубликовано 219 определений. К сожалению — и это отмечалось в «Меморандуме участникам конкурса» (№ 25, 1977 г.),— лишь очень небольшая часть определений отвечала требованиям, которые предъявляла к ним редакция. Впрочем, этого и следовало ожидать: афористический жанр — один из труднейших и для профессионалов.

Конкурс завершен, и вот победители:

А. НАУМЕНКО, г. Харьков (№ 11, 1978 г.),— первая премия.

В. ЗОЛОТУХИН, г. Ростов-на-Дону (№ 20, 1977 г.), и В. ЛОКТЕВ, г. Астрахань (№ 24, 1977 г.),— вторые премии.

В. ВОРОНЦОВ, г. Тольятти (№ 30, 1977 г.), Т. ДЕЧКО, г. Шостка (№ 21, 1977 г.), С. ПИВОВАРОВ, г. Феодосия (№ 14, 1978 г.),— третьи премии.

Поощрительные призы присуждены Л. ГЛУШКОВОЙ, Новосибирская обл. (№ 6, 1978 г.), О. КЛЕЩЕВУ, г. Свердловск (№ 27, 1977 г.), М. КОЗЛОВУ, Московская обл. (№ 18, 1978 г.), Н. ЛИСОВОЙ, Рязанская обл. (№ 9, 1978 г.), В. МАЛЫГИНУ, г. Северодвинск (№ 29, 1977 г.).

ПОЗДРАВЛЯЕМ ПОБЕДИТЕЛЕЙ И БЛАГОДАРИМ ВСЕХ УЧАСТНИКОВ КОНКУРСА!

УЛЫБКИ РАЗНЫХ ШИРОТ

Слова, слова...

Среди тех, кто учит жить, преобладают теоретики.

Древнегреческая шутка.

Иногда Фортуна поворачивается спиной, чтобы мы могли оценить ее фигуру.

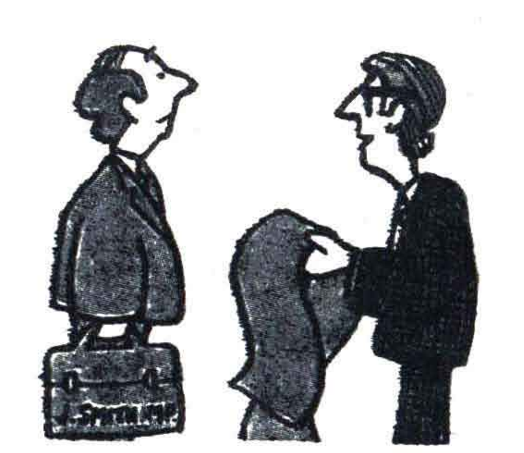
Из наблюдений неудачника.

Чем больше словарный запас, тем больше вероятность ошибки.

Фольклор византийских корректоров.

Победа обычно достается тому, кто распределяет призы.

Руди Миль, австрийский философ.

— Компьютер утверждает, что вас переизберут в парламент, но сам бы он голосовал против вас...

«Дейли миррор», Англия.

Узнав, что его собеседник работает палачом, молодой человек сказал:

— Неужели вам не стыдно заниматься таким делом!

— А что же делать! — вздохнул палач.— Всем надо жить...

●

— Ты болен!

— У меня африканский грипп.

— Африканский! Сколько же ты уплатил таможенной пошлины!

●

Два грабителя в магазине набивают чемоданы мужскими костюмами.

— Жак, смотри,— говорит один,— за этот костюм они дерут пятьсот франков! Это же настоящий грабеж!

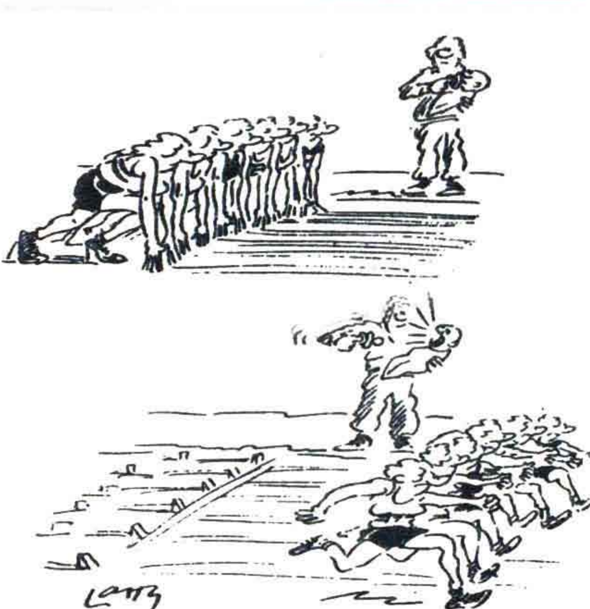

«Урзика», Румыния.

●

— Мы медленно умирали от голода,— рассказывал один из гостей,— и тогда решили разрезать свои сапоги и сварить из них суп...

— Тш-ш! Не так громко,— прервал его сосед.— Хозяйка может неправильно истолковать ваш рассказ...

«Панч», Англия.

●

ГИД. Эта башня выстроена более двух тысяч лет тому назад.

ЭКСКУРСАНТКА. Не говорите глупостей! Теперь ведь только тысяча девятьсот семьдесят девятый год!

Христо ПЕЛИТЕВ (Болгария)

Из сказок, которые кое-что объясняют

ВОЛКИ И СУДЬИ

Однажды волки обнаглели до такой степени, что людям от них житья не стало. Люди писали жалобы, а волки уничтожали домашний скот.

Наконец собрался суд, на который вызвали главаря волчьей стаи. Зачитав жалобы, приступили к прениям сторон. Люди требовали, чтобы волкам запретили употреблять в пищу овец и телят. Пусть, дескать, питаются, как другие животные, например, лошади и коровы. Представитель волков запротестовал. Он утверждал, что волки на вегетарианской пище протянут ноги.

Судьи взвесили все «за» и «против» и вынесли определение: разрешить волкам из мясного потреблять только зайцев, и то не больше двух килограммов в сутки на каждую волчью душу. Таким образом, и волки будут относительно сыты, и овцы — относительно целы.

С таким решением согласились все, и даже главарь волчьей стаи в знак согласия приложил к документу свои когти.

Волка отпустили, предупредив, что если его собратья нарушат приказ, с ними поступят соответствующим образом.

Волк отправился восвояси, но по дороге встретил корову с теленком и сожрал обоих.

Крестьяне немедленно подали жалобу, и судья собрал большой совет.

— Почему ты сожрал корову и теленка, когда тебе дозволено потреблять только зайцев? — спросили главаря волчьей стаи.

— Это верно, господа судьи,— признался волк.— Что было, то было — сожрал. Вы мне разрешили драть зайцев до двух килограммов в сутки. Но зайцы мне не встретились, а встретилась корова. Я прикинул на глаз: в корове должно быть килограмма полтора, а в теленке не больше чем полкило. Итого как раз два. Вот я и съел то, что мне полагалось.

Судьи стали в тупик. Конечно, волк преступил закон: заменил зайца коровой. Но как его судить? Ведь у волка нет ни весов, ни безмена...

Перевел Н. ЛАБКОВСКИЙ.

— Мне потребовалось сорок лет, господа, чтобы понять, что я не обладаю никакими военными талантами.

— И что же вы сделали?

— Увы, было уже поздно что-нибудь делать — меня произвели в фельдмаршалы.

●

— Вы не забыли, дорогой мой, что должны мне пятьдесят долларов!

— Пока нет, но дайте мне еще немного времени, и я об этом забуду.

●

Ректор университета просмотрел смету, которую ему принес декан физического факультета, и вздохнул.

— Почему это физики всегда требуют такое дорогое оборудование! — печально сказал он. — Вот факультет математики просит деньги только на бумагу, карандаши и ластики. — И, подумав, он добавил: — А философский факультет еще лучше. Им даже ластики не нужны.

— Ты входишь или выходишь?

«Бунте иллюстрирте», ФРГ.

— Вообще-то мой муж хороший человек, но у него несколько старомодные взгляды на место женщины.

«Пари-матч», Франция.

Молодая женщина беспечно проехала на автомашине под знак «Стоп». Полицейский остановил ее и спросил:

— Знаете ли вы, что это за знак!

— Понятия не имею, — ответила женщина,— но если вам очень интересно, можно было бы спросить продавца в соседнем киоске.

●

Два солдата тренировались в рытье окопов. Было очень жарко, и им стало невмоготу.

— Ты помнишь эти чертовы плакаты, Джонни! — спросил один.— Те, на которых было написано: «Запишись добровольцем в армию — и ты увидишь мир!»!

— Помню. А что!

— Да то, что я записался, не зная, что для этого придется прорыть насквозь земной шар.

Коломан УГРИК (Чехословакия)

ЖАЛОБА

Получаю я как-то по почте повестку — явиться на Старосветскую улицу, 43, прихватив с собой коробку конфет, вина и желательно небольшую сумму. Кто, что, почему — понять невозможно, подписи и печать неразборчивы, едва смог расшифровать одно лишь слово «жалоба».

Стал вспоминать. Ни на кого я вроде бы не жаловался. Допросил домочадцев с пристрастием — тоже такими пустяками не занимались.

Делать нечего, явился на Старосветскую. Смотрю, вывеска: «Изъятие дополнительных вознаграждений». А внутри немолодая особа копается в бумагах.

— Сколько с вас? — спросила она строго.

— С меня? — изумился я.

— Не с меня же, — саркастически сказала дама.— Что у вас в повестке сказано? Ага, конфеты, вино и немного денег. Что, не принесли? Ну, знаете, работай вот с такими... Магазин напротив. Пеня начисляется с завтрашнего дня.

Огорошенный, я пошел в магазин напротив и через десять минут выложил коробку конфет и бутылку вина на стол строгой даме.

— Сразу бы так,— буркнула она,— а то воспитывай каждого... Ну-с, посмотрим, что у вас... Ага, нашла. Мастер по ремонту телевизоров жалуется, что, когда он отремонтировал ваш телевизор, вы предложили ему всего лишь чашечку кофе. Так?

— Так я же ему заплатил по прейскуранту...

— По прейскуранту! Он ведь рассчитывал на большее, понимаете? Советую оставить для него крон пятьдесят. Думаю, его это удовлетворит.

— А если я не соглашусь? — спросил я.

— Дело ваше, но жалоба его пойдет выше, а тогда вы уже не отделаетесь пятьюдесятью кронами.

Я вздохнул и протянул бумажку.

— Хорошо, посмотрим, что там еще. Ага, еще заявление на вас от официанта из «Гранда». Не дали чаевых. Проступок, как вы понимаете, серьезный...

— Он меня безобразно обслуживал!

— Это вы так считаете, — сухо сказала служащая, — а он так не считает. Давайте коробку конфет, и неплохо было бы приложить к ней записочку с извинениями. Так, мол, и так, прошу прощения за нанесенную обиду. Понимаете?

— Да, — сказал я. — Теперь начинаю понимать. А вино кому?

— Вино — старшей сестре в больнице, где вашей дочке вырезали аппендикс.

— Позвольте, я же всем там совал деньги! А старшую сестру я и в глаза не видел. Какое она имеет отношение к моей дочери?

— Самое прямое. Она ведь старшая сестра, понимаете? Стар-ша-я! И у нее тоже есть своя такса. Тем более что ваш ребенок лежал в коридоре, за который она отвечает.

Тут я не выдержал и взорвался.

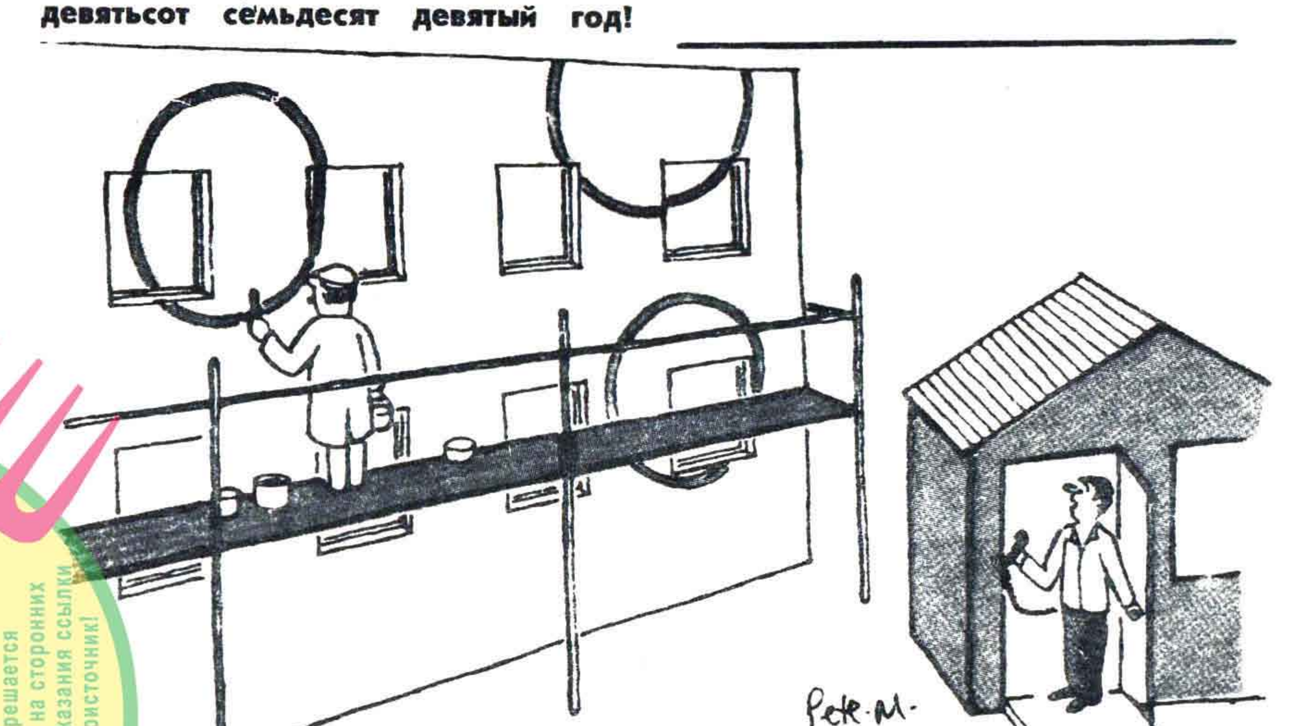
— Хватит! — заорал я истошным голосом. — Хватит! Я немедленно иду на вас жаловаться. Вымогаете, понимаете, у трудящихся...

Я заметил, что дама слегка побледнела, и продолжал ковать железо, пока оно было еще горячо. Я распалил себя до предела, потом выскочил и помчался жаловаться на странную даму и ее учреждение.

Через три дня ко мне домой явился посыльный и вручил мне бутылку коньяка. Подпись и штамп отправителя разобрать было невозможно.

В тот же день я пошел и забрал свою жалобу. Не так уж плохо они в конце концов работают...

Перевела Л. ИВАНОВА.

— Эй, не торопись, это же следы на проекте от кофейных чашек!

«Джорно», Италия.

КРОКОДИЛ
№ 1 (2263)
январь

ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ 1922 ГОДА
ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

Темы рисунков этого номера придумали: А. Алешичев, А. Андреев, В. Боковня, М. Вайсборд, Е. Гаврилин, В. Гинуков, Р. Друкман, В. Иноземцев, Н. Малов, Е. Милутка, В. Мохов, А. Скотаренко, Е. Шабельник, А. Ялов.

■

НАШ АДРЕС:

101455,
Москва, А-15, ГСП,
Бумажный проезд, д. 14

ТЕЛЕФОНЫ:

250-10-86
253-34-37

■

Главный редактор
Е. П. ДУБРОВИН

■

Редакционная коллегия:
М. Э. ВИЛЕНСКИЙ
А. Е. ВИХРЕВ
(зам. главного редактора)
А. Б. ГОЛУБ
Б. Е. ЕФИМОВ
А. П. КРЫЛОВ
(художественный редактор)
Г. О. МАРЧИК
(зам. главного редактора)
И. М. СЕМЕНОВ
М. Г. СЕМЕНОВ
С. В. СМИРНОВ
А. А. СУКОНЦЕВ
А. И. ХОДАНОВ
(ответственный секретарь)

■

Технический редактор
В. Г. МОЧАЛОВ

■

Рукописи не возвращаются.

■

Сдано в набор 06. 12. 78. А 09169. Подписано к печати 14. 12. 78. Формат бумаги 70×108 1/8. Офсетная печать. Усл. печ. л. 2,80. Уч.-изд. л. 4,54. Тираж 5 800 000 экз. (2-й завод 3 530 201 — 4 030 300). Заказ 06326. Фотоформы изготовлены в ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типографии газеты «Правда» имени В. И. Ленина, Москва, А 47, ул. Правды, 24. Отпечатано в ордена Ленина комбинате печати издательства «Радянська Україна», г. Киев, Брест-Литовский проспект, 94.

Рисунок Е. МИЛУТКИ

ПОДГОНЯЕТ...

КРОКОДИЛ МОСКВА, ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» Индекс 70448 Цена номера 20 коп.